ISSN 2226-3586

Литературно-художественный журнал

ПЯТЬ СТИХИЙ

N 2 (44) MMXXII

Горловка. Цветёт сакура.

ISSN 2226-3586

Литературно-художественный журнал

ПЯТЬ СТИХИЙ

5S

Творчество без лишнего пафоса

Устав от пресной чепухи,
Как в море, ухожу в стихи я –
Ведь эта пятая стихия
Просторней остальных стихий.

Игорь Царёв

N 2 (44) – MMXXII

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- **Иван Нечипорук (Горловка)** – главный редактор
- **Елизавета Хапланова (Макеевка)** – зам. главного редактора

- **Ирина Бауэр (Донецк)**
- **Иван Волосюк (Балашиха)**
- **Андрей Икрин (Алупка)**
- **Марк Некрасовский (Луганск)**

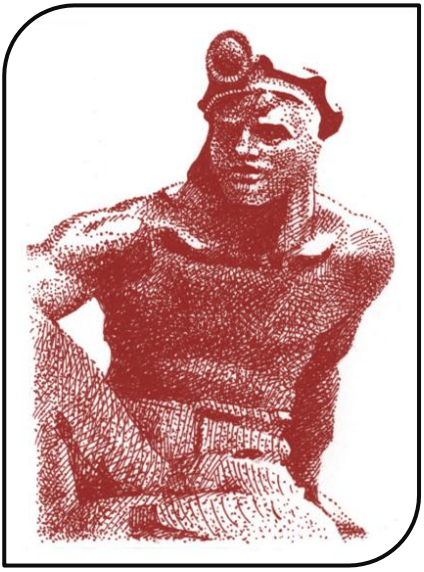
- **Корректор: Е. А. Ратундалова**
- **Художник: Г. Н. Иванова**

Издаётся с ноября 2010 года.

12+ *В соответствии с законом «О средствах массовой информации» Донецкой Народной Республики от 29 июня 2015 года.*

Работы и отзывы о журнале принимаются на п/я: **5stih@bk.ru**

ё – **Ёфицированное издание**



Журнал «Пять стихий» является лауреатом премии Союза писателей России «СЛОВО-2020»

В НОМЕРЕ:

I. Пятая стихия

Наталья Дроздова – 4
Вера Кобзарь – 8
Анатолий Папанов – 11
Владимир Спектор – 14
Сергей Ташков – 18
Елизавета Хапланова – 21
Наталья Чехунова – 23

II. Стихия прозы

Ирина Бауэр – 26
Татьяна Васильковская – 30
Дмитрий Игнатов – 33
И. А. Черняев – 37

III. Гостиный дворъ

У нас в гостях –44
Андрей Аристов – 45
Александр Дёмышев – 48
Елена Коновалова – 50
Николай Пересторонин – 54
Антон Смёрдов – 57

IV. Стихия поэтики

Елена Заславская – 62
Нина Ищенко – 66

V. Территория детства

Анна Матвеенко – 72

VI. Фестиваль (событие)

Людмила Семёнова – 76

Иллюстрации рубрик – Г. Иванова; художественные заставки – С. Каплун Фото на 1 с. обложки – Ольги Захаровой, на 4 с. верхнее фото – Бориса Иванова, нижнее – Татьяны Тумачинской.

90 лет со дня рождения русской писательницы Галины Николаевны Щербаковой (1932–2010)

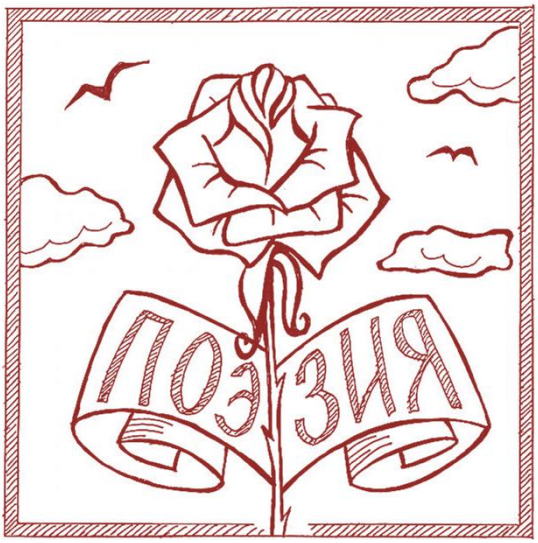
Галина Щербакова (девичья фамилия Руденко) родилась 10 мая 1932 в Донбассе в посёлке Щербиновка (ныне Дзержинск).

По окончании школы Галина Николаевна поступила в Ростовский государственный университет, затем, в связи с переездом с мужем в Челябинск, перевелась в Челябинский педагогический институт, после его окончания работала в школе учительницей русского языка и литературы. Затем 12 лет работала в прессе, в том числе редактором областной молодёжной газеты в Волгограде.

До конца 70-х годов Галина Щербакова писала серьёзные вещи — большую прозу на философские темы. Но эти вещи никто не хотел публиковать. Однажды она решила написать «роман про любовь»: так родилась повесть «Вам и не снилось», которую осенью 1979 года опубликовал журнал «Юность».

Помимо своей знаменитой повести, Щербакова написала более двадцати книг, среди которых повести и романы: «Дверь в чужую жизнь», «Отчаянная осень», «Актриса и милиционер», «Армия любовников», «У ног лежачих женщин», «Косточка авокадо» и мн. др. По её книгам, пьесам и сценариям снято множество фильмов.

Скончалась в Москве 23 марта 2010 года.



ПЯТАЯ СТИХИЯ

НАТАЛЬЯ ДРОЗДОВА

Родилась 23 января 1958 г. в селе Нежеголь Шебекинского района Белгородской области. Училась в Шебекинской средней школе № 4. Окончила факультет журналистики МГУ им. Ломоносова. Работала в газетах и книжных издательствах Белгородской области. В настоящее время сотрудничает с Марфо-Мариинским сестричеством милосердия. Поэт, член Союза писателей России. Автор шести сборников стихотворений. Лауреат премии «Прохоровское поле» в 2017 г.

ИЗ ВЕТХИХ ТЕТРАДЕЙ

****

Ты так светла среди берёз,
о родина моя!
Но хоть когда-нибудь без слёз
тебя увижу ль я?

Ты жить не можешь, не скорбя.
Твоя ли в том вина,
что нас уводит от тебя
безумная война.

Однажды мы совсем уйдём,
земной закончив путь.
Пусть всё вокруг горит огнём,
но ты – как прежде – будь!

С победной песней соловья,
с молитвой о любви,
святая родина моя,
живи! Живи! Живи!

ПЕСЕНКА О ВЕЧНОЙ ДРУЖБЕ

...ибо Господне есть царство,
и Он – Владыка над народами.
Пс. 21:29

Когда метель по всем фронтам,
когда совсем уже зима,
с тобой встречаемся мы там,
где расступаются дома,

и размурованный простор –
прямолинейный поводырь –
наш глуповатый разговор
уводит в мудрую псалтирь.

И кажется – июнь пылит,
на бруствер выпала роса,
в землянке печка не дымит,
ты партизанишь по лесам,
я по бульвару налегке
и кавалер, и мы на «ты»,
но в зачарованной руке
на снег похожие цветы.
И хитро щурится фонарь...
Всё как бывало, всё как встарь.

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ...

Хмурые братья
музы печальной,
не затевайте
песни прощальной,
не напрягайте
осипшие глотки,
не наливайте
больше мне водки.
Я над отчизной
плакать не буду.
Кончилась тризна –
мойте посуду!

Произрастает
на пепелище
с виду простая
лучшая пища.
Нам ли питаться
хлебом единым,
нам ли бояться
непроходимой
хладной пустыни,
измора и плахи?
Будут кресты нам
и будут рубахи –
чистые, белые,
вольного кроя.
Пахари смелые
в землю зароют

траурных будней
сырое мочало.
Смерти – не будет.
Будет – начало.
Преображён будет
род человечий
преображённою
русскою речью.

***

– Ангел у зыбкой межи –
сетчатые крыла,
где мне теперь жить?
Дом догорел дотла.

Молвил, вглядевшись в даль
сквозь полотняность ржи:

– Там, где криницы сталь,
там, где герой жив.
Чем-нибудь там простым
раны перевяжи.

...Лес. Партизаны. Дым.
И вертолёт кружит.

ПЕСНЯ ДЛЯ МАРИИ

...Мария же благую часть избра,
яже не отъимется от нея.
Лк. 10:42.

То не пух с тополей, то не пух.
То не снег из-за туч, то не снег.
Среброгривые кони спешат!
Размыкая кладбищенский круг,
в послушание Вечной Весне
навсегда поступает душа!

В белом платье у солнечных врат
ты стоишь без сестёр, без подруг.
И спокойно, и вольно без них!
То не брат к тебе в гости, не брат.
То не друг твой проездом, не друг,
а с войны неубитый Жених!

Нас связали не страх и не страсть,
не ошибок и бед колея –
золотого стиха бечева!
Даже если случится пропасть,
Ему под ноги песня моя
ляжет кротко, как Божья трава.

Пусть земля уже дышит едва,
пусть закончились все времена,
нам оставлено время любить!
Потому что за нами Москва,
потому что на небо она
лишь живою должна уходить!

***

Они ещё не прилетели –
Дурные русские метели.
Но тени их уже стоят
конвоем тьмы у царских врат.
В счёт маскарада включена,
грядёт гражданская война.
И страхом полнится округа.
И нет ни брата мне, ни друга.
Но дерзновенный голос твой
хранит души моей покой.
Не страшен гибельный прогресс.
Земля цветёт!
Христос воскрес!
С нами епископ Никодим.
И Пушкин непоколебим.
А где последний будет бой,
туда возьми меня с собой.

РУССКАЯ ВЕСНА

Тают льдины, обнажая раны
словарей, энциклопедий, карт.
Гром грохочет – хоть грозе и рано:
древним матом кроет брата брат.

Мечутся могучей речи стаи,
злобных недр расплёскивая грязь.
Но до неба всё ж не долетают –
падают обратно...
Разбегайсь!

ВЕРА КОБЗАРЬ

Родилась 23 апреля 1958 г. в селе Краснoталовка Еланского района Волгоградской области. Окончила Борисоглебский техникум механизации учёта. С 1977 г. живёт и работает в Белгороде. В 1981 г. принята на работу в Белгородское региональное отделение Союза писателей России. Лауреат литературных премий «Звезда полей» и «Прохоровское поле». Автор книг: «Вчера был снег», «Весенний дождь», «Светлый август», «Ожидание». В январе 2020 года была избрана председателем Белгородского регионального отделения «Союза писателей России».

****

Лишь только отпылал Кавказ
И пепелище не остыло –
Горит и рушится Донбасс,
Попав в зловещее горнило.

Сосед в огне и смрад кругом –
А нам всё будто лень проснуться,
Но не успеем оглянуться –
Как собственный затлеет дом!

****

Мир сегодня иной,
И иные в нём песни,
Словно принят он мной
После долгой болезни.

Чёрный траур сукна
Над вселенской печалью...
Свет в проёме окна
Я едва различаю.

И назначенный путь,
Словно чьё-то веленье:
Стоит только шагнуть,
Отвергая сомненье.

...Оставляя покой,
И тягучую пресность –
За незрячей строкой
Я иду. В неизвестность...

О МОЛИТВЕ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

Куда же ты катишь, планета?
И где роковая черта?
Всё меньше любви в нас и света,
Всё дальше душа от Христа.

Пропитана кровью людскою,
Пылаешь ты в страшном огне,
Ни радости нет, ни покоя,
Не отдана ль власть сатане?..

Печально вздыхает планета,
А времени есть ли запас?
Но к Господу руки воздеты –
То молится Сергий о нас!

К РОССИИ

Враг не дремлет!
Он кровавым оком
На тебя глядит,
Святая Русь!
Скоро, скоро
Выйдут сроки сроков –
О твоём спасении молюсь.

Собери благое по крупицам,
Распахни бесстрашные крыла,
И отступит враг, и убоится,
Если грянут все колокола.

Нерушимой
Крестной силой Божьей
Ты хранима
Многие века.
Враг не дремлет –
И тебе негоже
Прятать в ножны
Грозный меч пока!

АНАТОЛИЙ ПАПАНОВ

Родился 26 ноября 1953 г. в селе Байловка Пичаевского района Тамбовской области. В 1976 году окончил педиатрический факультет Воронежского государственного медицинского института. С 1976 года работал в лечебно-профилактических учреждениях Белгорода, заместителем главного врача Белгородской городской больницы № 1. Член Союза писателей России. Активно сотрудничает с газетами «Медицинский вестник», «Экономическая газета», «Наш Белгород».

УКРАИНА – РОССИЯ

«В мае в Киеве расцветают каштаны,
и ко дню Победы город превращается
в цветущий праздничный сад»
Из воспоминаний о Киеве. А. Папанов

1.1987 ГОД. КИЕВ

Киев, май, окруженье каштанов,
Льётся солнце – с какой стороны?
Я шагаю, немножечко пьяный,
Только тень – за спиной, со спины?
Чуть першит радиацией глотка,
Зато пива – залейся и пей.
«Партизаны» затарились водкой
И в Чернобыль, чтоб было теплей.
А Крещатик гудит понемногу,
Не спешит, да и стоит спешить?
Вниз под горку уходит дорога,
Ну, а нам ещё жить с тобой, жить.
Тихий Днепр гонит волны на берег
Сквозь усталую службу мостов.
И я верю. Пока ещё верю
В позолоту старинных крестов.
Что всё будет и лучше, и чище,
Наше время – хранить и любить.
Мы славяне, и что в этой жизни
Сможет запросто нас разделить?
Киев, май и цветенье каштанов,
Льётся солнце – с какой стороны?
Я от счастья шагаю, как пьяный,
Только тень – за спиной, со спины?
...Встречи, проводы, песни и споры –
Всё кончается в жизни земной...

Ах, как медленно тащится скорый
В Белый город, в Россию, домой.

2. 2000 ГОД

«Харьков – Белгород» по расписанию
Прибывает без опоздания.
После шмона в вагонах
Курят мытари на перронах.
Не спеша, по привычке
Выползает народ с электрички.
Маловато народа в вагонах,
Больше мытарей при погонах.
Мёрзну я на перроне
В непонятно запретной зоне.
Были братья и сёстры.
Стали разные страны.
И обидно, и больно,
И по-честному странно.
Разделили на части
Нас продажные власти.
Только крест ведь у нас –
Тот, который нас спас.

3. 2014 ГОД

Кто виноват, кто прав – пойми теперь.
В огне Крещатик, и стреляют в спину.
Рванулись на майдан – закрыта дверь,
В Европу не пускают Украину.
«Героям Слава!» Кто там впереди?
Шухевич и Бандера вместе с нами.
Америка! Уж ты не подведи,
Дай разобраться с русскими врагами.
Вновь Рада голосует за ЕС,
Хоть им и не до жиру, быть бы живу.
Но видно там забыли про SS,
И как распяли немцы Украину.
Плясал майдан, окрасив кровью снег.
На брата брат смотрел через прицелы.
И кто когда замолит этот грех
За тех, кто полегли и уцелели?
Горит Луганск, объят огнём Донбасс,
По мирным городам стреляют «Грады».
И «Слава Украине!». Против нас
Лишь москали – известнейшие гады.

Приказ – АТО! Границы – на замок!
Наш ров – как незалежности основа.
Ну, что сказать? Кому урок не впрок,
Тот лоб о грабли расшибает снова.

P.S. Жаль нет с нами больше батьки Махно,
Жаль Нестор Иванович умер так рано,
А то бы давно он всё это дерьмо
Один разогнал бы с майдана.

4. 2018 ГОД. УКРАИНА –УКРАЙНА

Украина – Украйна!
Что с тобою случилось?
Докатилась до края,
Отступив, оступилась.
Чьим умом проживаешь
С незалежною статью?
Убиваешь, стреляешь
Ты в сестёр своих, братьев.
Разумение куцым,
Одурманеным бредью,
Снова славишь трезубец
Вместе с новым отребьем.
Испоганивши Веру,
И с печатью Иуды
Ты отмерила меру
Нет прощенья откуда.
Время точки расставит –
Кто в ответе за это.
И заблудших отправит
Во все стороны света.
А виновные снова
Затаятся во мраке.
Им не ведано Слово,
Только хочется драки.
Забугорье поможет,
Посулит кущи рая.
Незалежность дороже?
Украина, Украйна?..
И дороги не зная
От обрыва до пропасти,
Ты всё катишься к краю
С кровью, болью и подлостью.

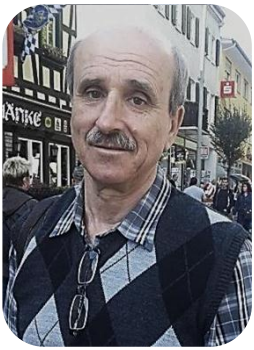
5. 2022 ГОД. АПРЕЛЬ. ПОСИДЕЛКИ У РУЧЬЯ.

С. Никольское, ручей Бродок, Белгородская обл.

Сижу на травке около ручья.
Пришла весна, и птички здесь запели.
А в небе – след. Два наших «молотка»
Куда-то на работу полетели.
У нас прифронтовая полоса,
Порой сюда снаряды прилетают.
И, наблюдая эти чудеса,
Соседский пёс давно уже не лает.
А лишь скулит, забившись в конуру,
И от испуга разбежались кошки.
И так всю ночь. А рано поутру
На Божий свет открыв своё окошко,
Увидишь – «крокодилы» ниже крыш
Опять летят к кому-нибудь с приветом.
И только лишь молитву повторишь:
- Дай, Господи, чтоб всё закончить к лету.
Всё будет так, как Президент сказал,
Давно уже пора поставить точки.
А кто не п*он*ял, или не пон*ял*,
Пусть при себе оставит заморочки.
Ещё дойдём до нужных нам границ.
Трансгендер – Запад может удавиться.
Надумали сыграть с Россией в «блиц»?
Должок за вами. Надо расплатиться.
Пора уже и шляхту придавить,
Чтоб эти суки тоже заскулили.
Пожарского и Минина забыли?
Придётся вам уроки повторить.
Напомним немцам 45 год,
Французам – про Смоленскую дорогу.
Что ж, запрягает долго наш народ,
А что спешить? Ещё разборок много.
...Отвлёкся я, а времечко идёт.
Вон « молотки»* летят домой без груза.
А «крокодилы»*, взяв на разворот.
Рисуют герб Советского Союза.
Вот докурю, пора и кошек звать,
Ведь скоро заведутся здесь котята.
И напоследок хочется сказать,
Как говорят – работайте, ребята!

** «Молотки» – фронтовые бомбардировщики «СУ-24»*
«Крокодилы» – вертолеты «КА 52».

ВЛАДИМИР СПЕКТОР



Родился в Луганске. После службы в армии работал ведущим конструктором, пресс-секретарём на тепловозостроительном заводе. Автор 23-х изобретений. Начиная с 90-х годов, был главным редактором региональной телекомпании, собкором киевской газеты «Магистраль». Редактор литературного альманаха и сайта "Свой вариант". Автор более двадцати книг стихотворений и очерковой прозы, изданных в Донецке, Луганске, Киеве, Москве, Берлине. Заслуженный работник культуры Украины. Лауреат нескольких литературных премий, в том числе имени Юрия Долгорукого, Арсения Тарковского, Николая Тихонова, «Лучшая книга года – 2022» – Гран-при. Почётный председатель правления Межрегионального союза писателей, член Национального союза журналистов Украины. С 2015 года живёт в Германии.

****

Оруэлл смотрит с небес, издалека,
Кажется, видит своё отраженье...
Эхо войны улетает в облака
В мирное небо сквозь воздух осенний.

Миром зовётся война, и как тогда
Скотным дворам веселиться не тесно.
Оруэлл, видишь: словно вода – беда,
Слышишь, как стоном становится песня?..

****

- Что же из этого следует?
- Следует жить!
Юрий Левитанский

Следует жить, даже если неведомо, что
Завтра случится, а, может быть, и не случится.
Следует жить – у судьбы не бывает «потом»,
И потому, проверяя улыбками лица,

Следует жить не нарочно, не в долг, не в укор.
Наши ушедшие звёзды не меркнут, сгорая,
Нам оставляя и время своё, и простор...
«Следует жить» - завещание прямо из рая.

***

Этот город, как «пятёрка» в дневнике,
Что остался только в памяти моей.
Он, как звёздочка в далёком далеке,
И, чем дальше, тем становится видней

Свет сиреневый, задумчивый слегка,
Тень трубы в индустриальных небесах...
Это память, что близка и далека,
Словно время на потерянных часах.

***

Слетит башка, как капустный кочан...
Нельзя, нельзя убивать луганчан
Просто за то, что они луганчане,
Дама с косой пожимает плечами:
А евреев – за то, что евреи?
Хочешь помочь – помогай скорее.
Добавь веселья Весёлой Горе,
И счастье найди в подвалах Счастья.
Век 21-й на школьном дворе.
А кочаны всё слетают – «Здрасьте!»

***

Не показывай на себе и судьбу не искушай.
Лучше вспомни хорошие времена.
В небесах над Советской шарами парит Первомай,
А в день города осень, как гимн, слышна.

Ничего не известно, тем более, наверняка,
Но на мудрость молчания нету сил.
А заря над луганским заводом всё так же легка,
Будто кто-то окно для неё открыл...

***

Это всё – гравитация.
Вновь падаю в прошлый век,
И «минусы» множу на «минусы»,
реже – на «плюсы».
Где ты, Ной? Вот трёхкомнатный,
с грузом желаний ковчег,
Желания там и надежды
пока что в союзе.

Это время на вырост.
Ни злее оно, ни добрей.
Но чем-то влечёт, не пойму, почему,
хоть ты тресни,
Эхо песен, «грамматика боя, язык батарей»,
Это кануло? Времени нет?
Но память воскресла...

***

Хорошо, что спешить не надо.
Ни в обиде, ни в тесноте.
Облака Ворошиловграда
Тают в памяти, в небе, везде...

Не прощаются, улетая,
Те, кто были, казалось, всегда.
Вижу - мама летит молодая
Рядом с облаком, будто звезда...

Хорошо, что спешить не надо.
Плохо – некуда вовсе спешить.
Облака пролетают рядом,
Обрывая незримую нить...

***

Бездна, в которую падает, падает мир.
Бесы лукавят, какое-то дно обещая.
И разрастается страх, то ли вглубь, то ли вширь,
В сторону ада летя, или в сторону рая.

Длится недолго полёт. Ну, не дольше, чем жизнь.
Всё исчезает – и ненависть, и бесноватость.
Всё подчиняется резкой команде «Ложись»,
Падая, будто меняя «сейчас» на «когда-то»...

***

По чужой беде (далее – везде)
Взглядом просквозить, ног не замочить.
От чужой беды до войны-вражды –
Одиножды один – есть господин,
Одиножды два – летит голова,
Одиножды три – слёзы подотри...

По чужой беде, а не по воде –
Взгляд ещё живой (эхо – ой-ой-ой),
Взглядов интерес – выходи на «эс»
Свет-совет-страна... (Слышно: «На-на-на»)
Было далеко – не достать рукой.
Было «да» и «нет». Точка. Гаснет свет...

***

Уже и третья стража позади.
Но нет мне сна и нет покоя.
Пустые хлопоты, пустое
Волнение и сердца стук в груди...

Понятно всё. Но время и душа
Находят темы для беседы,
Где я в мечтах куда-то еду,
И ночь в окне вздыхает, чуть дыша.

А третья стража вовсе не страшна.
Я вместе с нею сторож ночи,
В ней день вчерашний обесточен.
А завтрашним заботам – грош цена...

***

Ненависть рождается в голове.
Она, как КОВИД или ОРВИ.
А Шпаликов шагает по Москве,
Не о ненависти поёт – о любви.

«Бывает всё на свете хорошо»...
И верила этим словам вся страна.
Новую песню никто не нашёл.
А старая нынче почти не слышна.

***

Из-за денег, чего-то другого? (Едва ли)...
Предают, продают, покупают (возможно).
Это воздух вранья переплавлен в медали,
Хоть «добро» не даёт Верещагин с таможней.

Ожидания множат печали (наверно),
А печали рождают обиды (напрасно).
Испаряется свет, и дневной, и вечерний...
Только кровь не предаст и останется красной.

СЕРГЕЙ ТАШКОВ

Родился 12 июля 1950 г. на Урале в деревне Перебор. Окончил Артёмовский индустриальный техникум. Служил в армии. Работал электриком, художником-оформителем, ассистентом скульптора. Публиковался в журнале «Наш современник», периодической печати. Автор нескольких сборников стихотворений. Член Союза писателей России.

***

За окном – аморфное мерцанье,
словно там не улица – дыра.
Выхожу – как будто на дознанье
вызвали свидетелем с утра.

Шествую по скверам и вокзалам,
наблюдаю, на мосту маяча, как
первый снег откуда-то с Урала
контрабандой тащит товарняк.

В парке гляну меж деревьев, издали –
по аллее вброд, как по реке,
Двое бродят, и транзистор их
мается тоской на поводке.

И пока по вязким лужам шлёпаю,
небеса раскаркано пестрят –
муторно прощаются с Европою –
птицы те, что в Турцию летят.

Серые, застыли у дорог,
тополя, как свёрнутые флаги.
Каждым звуком, кажется, продрог
надоедливый вороний шлягер.

Кажется, какого бы рожна
мне бродить по дну больного неба?
Из окна не видно, как важна
для бездомных псов краюха хлеба.

***

Это я, Господи!
Бредущий из мрака во мрак.
Что ж ты меня в своей звездной россыпи
не отыщешь никак?!

Говорят, что тебя видели –
две тысячи лет назад;

говорят, что тебя обидели,
и погасли твои глаза.

Дольный мир возвысил пришедшего
с вестью благостной – на кресте.
Отыщи меня, сумасшедшего,
ожидающего вестей.

Ты найди меня у сетей моих,
человеков небесный ловец,
ниже облака, ниже трав сухих
и в аду найди, наконец.

Улови на блесну прозрения,
на последние крохи любви,
на живучего червя сомнения –
ты уж как-нибудь улови...

Если есть на земле неуверенность,
слабость духа, страх жития,
срам греха, сиротство, потерянность –
это я... Господь, это я!

Цепенящим искусом преследуем –
сбросить плоть свою как пальто,
что есть истина? – я не ведаю,
только то, что знаю – не то.

Я попал в этот мир, как в госпиталь,
с тяжкой раной, сгорая в бреду.
Как же ты найдёшь меня, Господи,
если сам себя не найду?

В той щели посредине вечности,
что зовётся жизнью людской,
я обрёл по своей беспечности
боль духовную, непокой.

Восприми моё покаяние,
камень чёрный с души низринь,
сократи к себе расстояние,
не покинь меня, не покинь.

Вопреки моей своевольности
встань незыблемо на пути –
от падения в пекло пропасти
отврати меня, отврати.

Пусть ни делом, ни словом, ни мыслию
никогда уже не солгу.
Без тебя, Господь, мне не выстоять –
не могу уже, не могу...

Не до фраз мне и сладкозвучия,
иссякает нить бытия,
и летит, как звезда падучая:
это я... это я... это я...
Господи!

***

Всё чаще мне мерещится дорога –
старинная, без рельсов и столбов.
И облако над ней как выдох Бога,
и мягкий свет заката как любовь.

Ни годы, ни века над ней не властны,
и в тех пределах стелется стезя,
где старые дела уже напрасны,
а новые начать еще нельзя.

Смиренный странник, выхожу и знаю:
меж небом и землёю нищ и наг,
я – блудный сын, а путь – к родному краю,
и трудно сделать только первый шаг...

***

Своих, дорогих «иностранцев», –
которым почёт? не почёт? –
неполная рота афганцев
по городу молча идёт.

Военные вянут знамёна,
жара, как в Афгане почти.
Колонна идёт устремлено
куда-то... Куда ей идти?!

На марше ненужном и тяжком
ХБ истрепалось в лоскут,
от пота истлели тельняшки,
а новых уже не дадут.

Сдано боевое оружье,
Сдана генштабистам война,
и только солдатская дружба
пока никому не сдана.

И рота шагает устало,
сама по себе – в белый свет...
И нет впереди генерала,
и пункта прибытия нет.

ЕЛИЗАВЕТА ХАПЛАНОВА

Родилась 17 февраля 1977 г. в Макеевке. Член Союза писателей России, Правления Межрегионального союза писателей, член-корреспондент Международной Славянской литературно-художественной академии (Болгария), зам. председателя Донецкого регионального отделения МСП, Автор поэтических и художественно-публицистических книг, публикаций в литературных журналах ближнего и дальнего зарубежья. Главный редактор альманаха «Литературная Макеевка», зам. главного редактора журнала «Пять стихий». Лауреат литературных премий «Гранатовый браслет», им. Олега Бишарева, им. Михаила Матусовского, им. «Молодой Гвардии», им. Олега Герасимова.

ЗЕМНАЯ НИТЬ

За нить земную не тяни,
А подвяжи конец на узел.
Печален год и век наш грузен...
Но каждый раз рассвет манит,

Зовёт сплетать свою судьбу
С судьбой невидимого Завтра.
И ты живёшь в плену азарта,
И сам с собой ведёшь борьбу.

Любая роль – игра в себя:
Ты здесь актёр, худрук и зритель.
Плебей... а в зеркале – патриций.
Матрос... но штурман корабля.

Земная нить тончее снов,
В которых ищешь ты ответы.
Прими же скорбный рок поэта
Из нераспутанных узлов..

АНГЕЛЫ МНОЖАТСЯ...

28.04.2022 г. в ходе артиллерийского обстрела центра Макеевки были ранены 19 мирных жителей, включая четверых детей. 11-летний мальчик 2010 г.р. от полученных ранений умер в больнице.

Боль разъедает пространство и душу,
Мечется сердце меж морем и сушей,
Между слезами и тишью больницы,
Где от беды не укрыться... Не спится

Там никому – за холодною стенкой
Стала недвижимой тонкая венка...
Прямо в окно, не предчувствуя мая,
Ангел Макеевки в небо взлетает.
Как понимать это время нам, Боже?
Ангелы - множатся, мира – не больше...
В чём равновесие, сила святая?
Горнии кущи детей обретают.
Нам же, земным, кровоточить от боли.
Но возрождать эту жизнь, это поле...
Взращивать пашню упрямо, сурово.
Насмерть держаться – огнём или Словом.

АПРЕЛЬ 2022

Белоликая Москва – ни румянца, ни слезинки.
Только влажные снежинки да весомые слова...
Только русская тоска под церквей хорал стозвонный.
Да солдатские мадонны... и священные войска.

Тайны нет, загадок нет – всё исконно, повторится.
И с вражиной станет биться правнук также, как и дед.
Тает, тает, тает снег... Сыплет зимушка за ворот.
И блестит огнями город, и несёт над миром свет!

***

Русоволосая Россия
Главу склонила над тобою –
Парнишкой, что прослыл героем,
Но лёг в могилу.

Твоя судьба – её судьбина.
В ладонях этих – тыщи судеб.
И погибает с каждым сыном.
И воскресать извечно будет.

Над нею - палачи и судьи.
И пахнет кровью клевер с мятой.
Мы все больны. Мы все – распяты!
Мы все – орудья...

Накалены и разогреты, –
Огонь стихов, земли стихия!
И вновь войны стирает меты
Моя Россия...

НАТАЛЬЯ ЧЕХУНОВА

Родилась и проживает в Белгороде. Стихи пишет давно, но наиболее активно поэзией начала заниматься с 2018 – 2019 г.г. Публиковалась в журналах, альманахах, коллективных сборниках. Финалист всероссийского ежегодного литературного конкурса «Герои великой победы – 2021», дипломант международного открытого музыкально-литературного фестиваля «ЯЛОС» им. Л. Болдова. Участник проектов «Объективная поэзия», «Поэзия красок», «Сказки народов России».

****

Научишь, жизнь, не строить ожиданий?..
Пустых. Простых.
Хочу без слёз, истерик, ссор и брани,
Без сплетен злых.
Без разочарований и иллюзий,
Кривых чудес.
Нытьём всецело явно не загрузит
Лукавый бес.
Раскрыть не позовёт интригу
Король шутов.
Искать, скандалить, нервно прыгать
В кругу адов.
Научишь, Жизнь, не строить ожиданий?..
Запомню как.
Зовут раскрыться мира грани.
Хороший знак.

****

Страшно. Грустно.
Убегу.
Заплети мне, Солнце, косы.
Раны в чувствах,
Не могу,
Просочились слёзы в росы.

Пышной дымкой
Зелень трав
Отогрей мои колени.
Невидимкой
Зарыдав,
Спрячусь в чаще в день осенний.

Небо стонет:
«Нет тебя»...
Одиночество под кожей.
А в ладонях -
Крест. Мольба:
«Воскреси мне маму, Боже»...

****

Я пронесусь, как лёгкое мгновенье
В рулетке исчезающих веков,
Коснусь событий... Дрожь в душе, коленях,
Тревога за пролившуюся кровь...

****

Зазеркалье сознания спрятало слово,
Что опишет всю боль.
Закричу: «Ну, когда это всё остановят?»
Но мелка моя роль...

****

Свобода - как солнце. Могущественней и лучше ее ничего нет на свете.
Жорж Амаду

Загнали нас в тупик,
Где выбор не предложен.
Лишили права высказаться, встать.
Что может робкий
И испуганный заложник?
Молчать? Скулить? Пытаться убежать?

Кольцо сомкнулось,
Плотно сжав дыханье.
Растаял крик в оглохшей тишине.
Смириться надо?
Верить в обещанья?
Свобода манит яркостью огней...

СТИХИЯ ПРОЗЫ

ИРИНА БАУЭР

Родилась в городе Донецке в 1958 г. По образованию архитектор, математик. Занимается преподавательской деятельностью. Руководитель Донецкого городского отделения Межрегионального союза писателей, член СП ДНР, СП ЛНР и Союза немецких литераторов Украины. Участник проекта «Литературные встречи/МГП-Израиль». Главный редактор журнала «Сундук», член редколлегии журнала «Пять стихий». Публиковалась в литературных журналах, альманахах, коллективных сборниках Донбасса, Украины, России. Автор книг «Тата» и «Бунт угля». Лауреат литературного фестиваля «Камбала», победитель Второго Всероссийского ежегодного литературного конкурса «Герои Великой Победы». Лауреат литературной премии им. Олега Бишарева.

ЦАРЬ-РЫБА

Очередной побег Коли из больницы напоминает сезонную аллергию.

— Геннадий Евгеньевич, мы его обнаружили.

— Где он?

— На островке у заводи.

— Далековато забрался.

— Он голышом шлялся по округе и предлагал себя женщинам. Привезти его?

— Нет, я сам.

Осень истекала соком подкрадывающегося предзимья. Далеко в просветах между соснами порыжевшие травы безжизненно обвивали промёрзшую землю. Расходился дождик по берегам реки, вздёрнутой жёлтой ряской.

На островок с крохотной лагункой я приехал спустя два часа. Повсюду зияли дыры, траншеи, кратеры. Земля, перекопанная вдоль и поперёк, онемевшими губами воронок слизывала первые снежные дары.

Невысокий, коренастый мужичок в чёрных по колено сатиновых трусах и серой майке, смерив меня взглядом, вдруг присел, похлопывая себя по ляжкам тонких ножек, а затем бросился в кусты.

— Коля, выходи, — я изо всех сил старался говорить как можно спокойней.

Одичавший взгляд не отпускал меня ни на минуту из поля слежения. Спустя четверть часа сиделец покинул укрытие.

— Прошу принять мою отставку, — сказал Коля и протянул импровизированное заявление, написанное на обрывке смятой туалетной бумаги мелким, почти неузнаваемым почерком.

— И что?— осторожно осведомился я.

— Добром не отпустишь — снова сбегу,— заявил мужчина.

— Погоди, Коля. Не дело ты затеял. Нам стоит поговорить!

— Ничуть!

Но так уж устроен Коля, осёдлость обесценивает жизнь. Он принадлежал к категории людей, которых я называю бегунками. Там, где они, — неизбежно сотрясение среды, а уж если вовлечены в процесс военного противостояния, то симптомы неясных надежд и подросткового энтузиазма переполняют их сознание. Ими движет страсть к справедливости, узкие параметры которой эти люди способны запихнуть в рамки собственного представления о добре и зле.

Продолжать разговор было бессмысленно. Он распалялся, речь его напоминала кардиограмму, кривая то росла, заполняя пространство, то наоборот оседала, сходя на нуль. Я оказался ограниченным пигмеем, душителем свобод, окопной тлёй!

Коля деловито ощупал босой ногой лоскут нетронутой почвы у можжевеловых кустов и вонзил лопату в землю. С остервенением переворачивал глинистые комья. Большим жёлтым ногтём выискивал тонких червей. Каждый полученный трофей вызывал дикий восторг и сопровождался гиканьем, но тут же, потеряв всякий интерес к извивающемуся подземному страннику, отбрасывал его в сторону.

Затем неспешно, с чувством превосходства, вытащил из-за спины кривую палку, к которой суровой ниткой привязана ржавая гайка. Подошёл к реке и лихо забросил импровизированную удочку.

— Молодец! — похвалил я.

— А то! Дело великое замыслил, — неестественно тягуче прозвучал его ответ.

— Понимаю, что ты осел на острове надолго. Ну и как продвигается задумка?— спросил я.

— Увидишь, — отмахнулся он.

— Я привёз тёплую одежду и еду.

Коля подтянул трусы и повторил попытку. Гайка, захлёбываясь, ушла под воду.

— Когда поймаю царь-рыбу, обзавидуешься, — сказал он с чувством некого превосходства.

— Царь-рыбу? Я бы так не называл её. Мелкая рыбёшка, не более.

— Конечно, — продолжил он, иронично посмеиваясь, — ты ведь не веришь, что она со мной, однако приехал разнюхать дело.

Коля глядел на меня, кутающегося в ворсистый шарф, как снежный йети на туриста.

Посреди красного, как мак, ледяного рассвета охотник за природным феноменом зачарованно смотрел на воду.

— Выходи по-хорошему. Всё равно выловлю, — уговаривал он реку.

— А где же долгожданный улов? — я рассмеялся.

— Подожди, вот сейчас я тебе докажу, что царь-рыба существует на самом деле. Я её видел!

— Да ведь уже неделю, как ты мне это доказываешь. И всё без толку.

Он насупился, вдруг топнул ножкой, пригрозив мне тонким, как велосипедная спица, пальцем.

— С места не сойду.

— Не ешь, не спишь. Безобразие. Пора сворачивать удочку.

— Ты зря теряешь время, придурок.

Не шелохнувшись, он пристально рассматривал речные заводи, поросшие точно ожившим от первого морозца тростником.

— Коля, я не приму твою отставку. И к тому же, если дознается начальство, меня уволят.

Мелкая ледяная крупка, точно белые клопы, секла по глазам. Он, бросая взгляды то влево, то право, а затем, сорвавшись с места в сильном возбуждении, принялся нарезать круги, перескакивая через ямы, сверкал красными пятками.

— Царь-рыба! Царь-рыба! — орал, размазывая тугие сопли по веснушчатым щекам.

Мы сели в машину, и всё было как всегда: проклятия тут же обесценивались нелепостью острых коленок Николая, когда, сжимая их большими дрожащими ладонями, он не мог разгадать природы собственной болезни.

— Осколки в ногах мёрзнут, — сказал Коля.

И река промерзает до дна, а камни её, как отметины, на бедре складываются в маленькую тату, абрис которой встаёт перед глазами. Остального нет в истории болезни Коли. Пожалуй, я один знаю, что была в нашей жизни эта самая рыба, выросшая в воображении Коли до размеров некой царицы, на самом деле маленькая юркая с тонким красным крестиком, схваченным под шеей. Звали рыбку Оля.

Мы жили с нею каждый по очереди. Изменяла ли Оля нам? Нет. Она нас просто любила поровну. Потому что иной формы привязанности к мужчинам не знала. Я делал ей татуировку, а она всё болтала без умолку про Колю, про нашу с ней общую постель и про то, как шлёпали по лужам, как пахла сирень вперемежку с прогорклым тёплым асфальтом в привокзальной кафешке.

Всё было. И дождь, и теснота бульваров, и первый аборт. И обгоревший саман старого домика, который не защитила ни река, ни Колина удочка, ни моя врачебная практика. Маленькая и безза-

щитная плотва, по имени Оля, выправляя путь, схлынула царь-рыбой, умерла с первым миномётным огнём.

Островок уходил из Колиной жизни. Машина набирала скорость. Коля избегал смотрового зеркала, точки, где единение наших глаз сплеталось в тайный всепонимающий союз.

— Уже скоро, уже скоро, уже скоро, — беспрестанно бормотал Коля.

Машина брала поворот. Коля резко обернулся и помахал кому-то на прощание рукой. Там в дали неясный женский силуэт провожал его в последний путь. Мелькнуло Олино лицо.

«Окончательно умом тронулся», — подумал я.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬКОВСКАЯ

Родилась и живёт в Луганске. Образование высшее экономическое, работает бухгалтером. Литературные жанры: поэзия, малая проза. Член Межрегионального союза писателей. Руководитель литературного клуба Луганского городского Дома Учителя «Верлибр». Публиковалась в периодической печати, литературных альманахах, журналах. Лауреат фестиваля «Берега дружбы» (Таганрог), победитель поэтического конкурса «Владеющий словом» (Рязань), лауреат Региональной литературной премии имени Владимира Гринчукова за достижения в русской поэзии.

ХЛЕБНЫЕ КРОШКИ

— Доброе утро, Михаил Иванович! Что это Вы как не посмотрю, все время один на лавочке сидите? – сердобольного вида слегка полноватая, но моложавая женщина поставила два тяжелых пакета на лавочку рядом с дряхленьким пожилым соседом.

— Как же это я один, Линочка? Вон смотри, сколько у меня друзей! – и он указал на целую стаю голубей, которые важно расхаживали и по бетонным плитам, и по газону.

— А, ну этих в нашем дворе хоть отбавляй! – женщина с явным недружелюбием посмотрела на пернатых.

— Так это ж хорошо, Лина! Голубь – птица полезная.

— Хм, а как по мне, так просто «желудочки на ножках».

— Это ты так говоришь, потому, что восточной мудрости не знаешь!

— Какая такая «восточная мудрость»? Это у молодёжи сейчас модно на йогу ходить и мясо не есть! А Вы-то куда, Михаил Иванович? – возмутилась женщина.

— Если минутка есть, присаживайся рядышком, я тебе расскажу, – хитро улыбаясь, сказал старик, и голос его стал тихим, вкрадчивым.

— Ой, времени-то нет, как всегда, но, признаюсь, заинтриговали, – и Линочка переставила сумки на другой край, а сама подсела поближе.

— Началось всё, ещё когда бабка была жива. Её тогда инсульт первый прихватил, да сильно так прихватил, что как из больницы выписали, даже с кровати не вставала. Левую сторону всю парализовало, как отняло, да и правая работала не очень. Могла чуть-чуть рукой, ногой двигать и улыбалась криво, одной стороной лица только.

Я ей говорил: «Ты старайся, разминай, двигай, упражнения, как прописано, делай, врачи сказали, всё наладится». А она целыми

днями только лежит и всё. «Не тронь, помирать буду», – мычит в ответ. Есть, пить отказывается. Так её морально эта беспомощность придавила, что я уже стал бояться, что и вправду помрёт.

А тут соседка к нам с восьмого этажа зачастила. Я ж тогда ещё на все руки мастер был! Не то, что теперь – и зрение не то и сил уже нет. А тогда прибить, выпилить, сколотить, наладить – всё умел! А она, соседка значит, в какой-то кружок ходила, чего-то там им заумное рассказывали, занятия какие-то проходили. А о чём, про что, я того не понимал. Но им там всё время то для картины рамочку сделать надо, то полочку сварганить, и вот она ко мне и бегала.

А в тот день пришла и говорит: «Михаил Иванович, к нам в школу на днях мастер приедет из Индии, целитель хороший. Вот бы нам к нему Лидию Петровну сводить. Он, правда, за сеанс деньги большие берет, но её, за то, что Вы нам всё время помогаете, он бесплатно примет. Давайте сводим, а? Ну, что Вам терять? А вдруг поможет. Хороший, говорят, целитель!»

Я сначала отказался, а потом подумал-подумал и так решил: «А и правда, чего теряю, денег не просят, идти не далеко, бабка маленькая, ничего, снесу! А вдруг поможет. Говорят же, что целитель хороший. А люди – не газеты, зря врать не станут».

Так мы к этому целителю индийскому и попали. Увидел я ту «школу». Чудно там у них, непонятно, картин действительно много, а на них все какие-то то ли индусы, то ли китайцы. Письмена вокруг непонятные, полочки со статуэтками. и запах стоит странный, на ладан похож.

Индус же в главной комнате сидит, ждёт нас уже. А из себя такой миловидный, темнокожий, роста невысокого, без тюрбана, без точки во лбу, но в одежде необычной, длинной с узорами.

Он меня сначала поприветствовал, поблагодарил за помощь, предложил присесть, сказал, что в Индии пожилых людей очень уважают. Но этого я сразу не понял, он по-английски говорил, мне соседка перевела. А потом начал над бабкой колдовать: руками водил, глаза закрывал, рассказывал всякое. Соседка-то мне переводит, но я про их чакры, кармы ничего не понимаю, «как лечить?» – спрашиваю. Долго они мне что-то объяснить пытались, но все без толку. Ну, и в конце уже индус устал, наверное, и говорит: «Кормите птиц!». Я удивился, что ж это за лечение такое! А он на своём стоит, говорит: «Птиц кормите, каждый день! Но только пусть жена прежде хлеб своей рукой, как сможет, покрошит, а Вы эти крошки берите и на улицу несите, кормите птиц, каких найдёте».

Это бабка у меня ни гимнастики делать не хотела, ни таблеток пить, а я так подумал, тут много разбираться не нужно, как врач сказал, так и делать надо, а если не делать, то и не поможет ничего. И со следующего же дня стал, как проснусь, беру четвертинку

хлеба, оттуда мякиш выбираю и бабке протягиваю. Она смеётся с меня, но мякиш крошит одной рукой, как может. Беру я эти крошки и иду птиц искать. Тогда их в нашем дворе вообще не было, хожу возле дома, возле соседних домов, бывает, аж до магазина дойду, пока увижу, что где-то голубь ходит. А если одного найду, брошу ему крошки, тут уже другие сами слетаются.

И верь, Линок, не верь, а ведь индус не шарлатаном оказался! Бабка сначала хохотала с меня, пальцем у виска здоровой рукой крутила, а потом ей интересно стало, глаза загорелись! Прихожу с утренней прогулки, а она уже на кровати сидит и расспрашивает, далеко ли ходил, каких птиц нашёл. Потом сама просыпаться стала и за хлебом тянуться. Сила в руке появилась, я и горбушку перестал отрывать. Вижу, что трудно ей ещё, но мнёт, старается. К тому времени голуби уже прознали, где я живу, стали у подъезда меня сами караулить. А бабке ж интересно, смотрю, а она потихоньку уже к окошку бредёт, за стул держится и нерабочую ногу волочит. Кормлю, значит, а сам всё в окно поглядываю, смотрит, улыбается, всё старалась сосчитать голубей и по цветам запомнить. А там я и сам не заметил, как стали вместе во двор выходить. Целый пакет крошек наберём и сидим, на птиц любуемся. И чудно так, на лавочке, как молодые на свидании.

А знала бы ты, Лина, как она в тот год на юбилее своём песни пела! Она к тому времени уже и ходила потихоньку и на стол сама накрывала, только речь не совсем чёткая была, когда разговаривала, а вот как запела, так и не слышно совсем, что инсульт был, чётко так, чисто, а душевно-то как. Вот вспомню невзначай, и слёзы сами собой наворачиваются. А потом второй инсульт, и не стало моей бабки.

Но индус всё равно молодец, зря про них небылицы рассказывают. Он лечение верное подсказал, не мог же он знать, что второй инсульт приключится.

С тех пор вот, своих пернатых друзей и кормлю. Потом уже случайно узнал, что и Чехов Антон Павлович завещал людям: «Кормите птиц!», а он врачом известным был, видать тоже про то, что от этого здоровье улучшается, знал.

Вот я на лавочке теперь и караулю, как вижу, что хороший человек с магазина идёт, у того и попрошу: «Отломай хлеба кусок, для птичек». А люди у нас добрые. Они деньги давать побаиваются, думают, что на водку, а если кусок хлеба попросишь – никто не откажет. А тот секрет, что индус поведал, я хорошо запомнил – здоровье улучшается не у того, кто крошки на землю кинет, а у того, кто от буханки кусок хлеба своими руками отломит!

Отломай и ты, Линочка, вишь, как сизый голубок на тебя поглядывает, аж голову развернул. Он уже давно перед тобой выхаживает, то крылышки покажет, то хвостик распушит. А тебе здоровье, знаю, очень нужно, как ни как – трое ребятишек.

ДМИТРИЙ ИГНАТОВ

Российский писатель-фантаст, работающий в жанрах твёрдой научной фантастики, гуманитарной и социальной фантастики, философской новеллистики, антиутопии. Родился 15 января 1986 г. в г. Ярославль. Проходил обучение в ЯГТУ по специальности «инженер-педагог машиностроения». В настоящее время - дизайнер и веб-разработчик, пишет сценарии для кино, ТВ и рекламы. Публиковался в литературных изданиях России и США. Автор романа в рассказах «Великий Аттрактор», иронического фэнтези «Кампания Тьмы», хоррор-повести «Первыми сдохнут хипстеры» и сатирического справочника «Это ваше FIDO», а также сценариев для короткометражного фестивального кино. В этом качестве участвовал в кинофестивалях «КиноШок» и «Метрополис». Проживает в г. Воронеж.

НА ЗВЁЗДАХ

Вика небрежно натянула на себя куртку, по привычке намотала на шею шарф и вышла из квартиры. Даже это казалось теперь ненужным и излишним. Для чего? В свете принятого решения совершенно незачем. Разве только для того, чтобы ещё раз покурить на крыше, глядя в ночное небо. Сегодня необычно ясное. Усыпанное звёздами. Где-то между желтоватых огней ночного города внизу и голубоватых звёзд сверху, на несколько минут добавилось красноватое светящееся пятнышко Викиной сигареты. Но вот она погасла и, повинуясь щелчку озябших пальцев, по параболической траектории полетела в темноту. Вслед за ней всё в ту же холодную пустоту собиралась шагнуть и сама Вика, но кто-то окликнул её сзади.

— Я вам не помешаю, барышня?

Оглянувшись, девушка рассмотрела сгорбленную фигуру, устроившуюся на раскладном табурете, по типу тех, что используют обычно рыбаки. Но только вместо удочки перед незнакомым пожилым мужчиной на треноге стоял небольшой телескоп.

— Геминиды. Они на пике,— проговорил старик, словно поясняя своё появление на крыше.— Лучше, конечно, любоваться ими за городом. Но куда уж мне... А нынче такое чистое небо.

— Да ладно... Небось за девчонками в соседнем доме подглядываете,— язвительно предположила Вика, машинально закуривая вторую сигарету.

— В таком случае, мне следовало бы взять для этих целей бинокль,— ответил старик, явно улыбаясь.— Но в моём возрасте такие зрелища уже не особо интересны.

— А на звёзды пялиться интересно?

— Интересно. А вам разве нет?

— А чего там интересного?— искренне удивилась девушка.— Это же только в фантастике всякие звездолёты и инопланетяне. А если подумать, то там сверху только безжизненные камни и пустота.

— Да. Там много пустоты,— согласился старик.— Но ведь не только она. В космосе много удивительных объектов: галактики, нейтронные звёзды, чёрные дыры. А сколько того, что ещё не найдено, но может быть: кротовые норы, космические струны... Кто знает, какие ещё открытия нам предстоят!

— Это тоже — пустота...— обречённо махнула рукой Вика и снова взглянула вниз на город.

— Да неужели? Без исследований космоса мы не развили бы ни микрокомпьютеры, ни полупроводники, ни сотовую связь. Ваш айфончик оказался бы бесполезен.

— У меня андроид...

— Тем более! — продолжил пожилой собеседник, заметно оживившись.— Да ладно андроиды... Мы и сами созданы из этой самой пустоты. Мы лишь квантовые флуктуации вакуума. Эхо большого взрыва. Круги на воде. Но все элементы наших тел рождены на звёздах. И возможно, когда-нибудь, космос воскресит нас после смерти.

— Это после Апокалипсиса? Типа, бог сойдёт на Землю и всё такое?— нехотя уточнила Вика, бросая презрительный взгляд на старика.— Ко мне тут как-то подходили двое с книжками. Хотели поговорить про это...

— Я не верю в бога, но верю, что когда-нибудь он будет построен,— серьёзно ответил пожилой собеседник.

— В смысле? Как машина?

— Это не будет машина или существо. Скорее, всё сразу и ничего по отдельности. Я имею в виду человечество, как единый разумный организм,— старик окончательно отвлёкся от своего телескопа.— Апофеоз того, что академик Вернадский называл ноосферой.

— Дичь... Эзотерика какая-то.

— Строгая научность, никакой эзотерики, божественных сил и прочего подобного!— резко возразил мужчина.— В своём развитии человечество достигнет такого уровня, что возьмёт на себя классические божественные задачи: воскрешение мёртвых, создание новых существ и даже целых миров.

— Чёт не особо пока получается...— заметила Вика.

— Быть богом трудно,— улыбнулся старик.— Но ведь мы стараемся. 200 лет назад было бы чудом снова запустить остановившееся сердце или пересадить больному новый орган. Сейчас это уже никого не удивляет. А ведь прогресс всё ускоряется. Технологическая сингулярность... Слышали, наверное? На масштабе десятков тысяч лет уже ничего не кажется невозможным. Русский философ Фёдоров понял это ещё в начале прошлого века. Рассчитать траек-

тории всех частиц, как мечтал ещё Лаплас. Фактически отмотать Вселенную вспять. Собрать рассеянные молекулы и атомы, чтобы вновь сложить их в тела отцов. И... Все воскреснут. И встретятся на звёздах.

— Фантастика...

— А вот Циолковский относился к этому вполне серьёзно. Как к инженерной задаче. Ведь если все воскресят своих праотцев, то куда девать такую массу людей? Конечно же, расселить на другие планеты. Именно тогда он начал разрабатывать теоретические основы космонавтики и написал свою знаменитую формулу реактивного движения, которой мы пользуемся до сих пор.

— Ну хорошо,— нехотя согласилась Вика.— А зачем?

— Что зачем?

— Ну зачем людям будущего кого-то воскрешать?

— Нам. Всем. В том числе и нам с вами. Я не отделяю нас теперешних от людей будущего. Мы — человечество.

— Окей, окей... Зачем нам, человечеству, понадобится кого-то воскрешать?— повторила девушка свой вопрос.

— Ну, во-первых, просто потому, что мы можем,— старик сделал паузу и задумался.— Во-вторых, ради интереса, как делалось многое в человеческой истории: от залезания в детстве на крышу до подъёма на Эверест и высадки на Луну. А в-третьих, из соображений личного эгоистического гуманизма.

— Как это?

— Все захотят воскресить своих близких. А те своих. И так далее.

— Не думаю, что на месте человека будущего я бы захотела кого-то воскрешать. И уж точно вряд ли кто-то захочет воскрешать меня. Точно не моя алкоголическая маман и её стрёмные мужики...— Вика затянулась сигаретой и грустно посмотрела вдаль.

— В вас говорит обида. И только. Когда мы будем оперировать объектами в масштабах Вселенной, всё это будет несущественно. Останутся только воспоминания о чём-то хорошем, привязанности, понимание ценности любой человеческой жизни. Кем бы мы ни были: биологическими существами, машинами или виртуальными отпечатками сознания внутри компьютера – именно это будет делать нас людьми. Поэтому я уверен, когда-нибудь всех непременно извлекут из пустоты. Не за плохие или хорошие дела. Не за мысли или убеждения. Просто потому что они были кому-то дороги.

— А вы? Были кому-то нужны?

— Не знаю,— старик пожал плечами.— У меня никого нет. Можно сказать, что я — тупиковое звено эволюции. Но, кто знает? Вдруг повезёт. Поэтому и вам, барышня, я не советую торопиться шагнуть в пустоту. Надо стараться быть нужным уже сейчас.

— Уходите? А как же ваш телескоп?— спросила девушка, заметив, что её собеседник поднялся со своего места и направился к выходу на чердак.

— Да. Я устал... Надо прилечь. А вы можете посидеть, полюбопытствовать. Падающие «звёзды» сегодня прекрасны. Только завтра принесите его сюда примерно в то же время. Всё-таки вещь дорогая... мне.

— Не боитесь, что украду?

— Главное, не сломайте,— усмехнулся старик и шаркающей походкой удалился вниз по лестнице.

Какое-то время Вика ещё докуривала свою тускнеющую сигарету. А потом опустилась на тряпичную сиденку раскладного табурета и прильнула глазом к окуляру телескопа. Метеоры падали достаточно часто так, что Вика могла бы успеть загадать за эту ночь все свои желания, если бы верила в эту глупую примету. Впрочем, одно уже сбылось. Посидеть на крыше и попялиться на звёзды в компании чудного деда было всяко лучше, чем терпеть бессвязные пьяные разговоры дома.

Девушка твёрдо решила, что завтра нужно непременно снова прийти на крышу хотя бы для того, чтобы вернуть старику его телескоп, а может и услышать ещё что-нибудь интересное.

К её удивлению на следующий вечер старика на крыше не оказалось. И на следующий – тоже. И потом. Вика приходила в назначенное место целую неделю: ожидала по 2-3 часа, ради развлечения смотрела на звёздное небо, но так больше и не встретилась со своим странным собеседником.

Тогда она не могла знать, что через 10 минут после их разговора старик спустился по лестнице в свою однокомнатную квартирку в соседнем подъезде. Снял пальто и шапку. Скинув старые, но комфортные ботинки, прилёг на диван и тихонько закрыл глаза. В груди что-то сильно щемило, как уже бывало не раз. Он почти привык к этому ощущению. Получасом позже его сердце остановилось. Ещё 18 часов тело охлаждалось по экспоненциальному закону. Спустя 12 дней соседи, раздражённые неприятным запахом, вызвали соответствующие службы. За 2036 часов его температура окончательно сравнялась с окружающей средой, а через 3716 лет под действием условий всё той же среды его частицы окончательно с ней смешались.

Прошло ещё 25 тысяч лет. Старик вновь открыл глаза, словно закрыл их секунду назад, и увидел знакомое лицо. Виктория улыбалась.

И. А. ЧЕРНЯЕВ

Иван Нечипорук. Коренной горловчанин. Шахтёр с 20-летним стажем. Выпускник Горловского иняза и Славянского ГПУ (заочно). Зампредседателя правления Межрегионального союза писателей, член СП России и Славянской литературно-художественной академии (Болгария). Прозу и публицистику подписывает «журналистским» псевдонимом И. А. Черняев, под этим именем выпущено две книги «Круги по воде» и «Шелковичные чернила».

СВИТЕР

Игорю Сергеевичу Каплунову повезло в этом году, к его пятидесяти пятилетию родной Горловский техникум Донецкого технического университета расщедрился, и ему подарили горящую путёвку в Израиль. Его жена Эльвира ужасно была расстроена тем, что на Новый год она останется одна, но когда их дочь с зятем и пятилетним внуком выразили желание приехать встретить новый год в Горловку, настроение супруги поменялось.

***

По существу – это была первая поездка Каплунова в Дальнее Зарубежье. Не считая небольшого полуторадневного вояжа в Варну в 2027 году на конференцию «Миньор-27», но ещё с советской поры Болгария никогда не считалась настоящей заграницей, это ведь свои родные братушки. Тогда в Донецке со стороны Еленовки только построили новый аэропорт, который ещё не имел возможности принимать аэробусы международного класса, и ему пришлось отправляться в Болгарию из ростовского аэропорта Платов. А уже в этом году он вылетал в Израиль с новой полосы Донецкого аэропорта имени Захарченко.

Путёвка выпала как раз на конец года, предновогодняя суета в Горловке и Донецке уже охватила все слои населения, а в Израиле всей этой предновогодней сутолоки не было. Ну и что, что на дворе последние дни декабря, зато Хайфа встретила его тихим размеренным ритмом жизни. Без оголтелых полуголых туристов здесь дышалось легче. Здесь народ жил, словно в другом измерении. Хануку уже благополучно отпраздновали, Рождество проходило тихо, без азарта. Народ Израиля горячо обсуждал другую новость. В наступающем 2031 году Мировое правительство выделяет средства на восстановление Иерусалимского храма Соломона. Иудаисты ликовали, христиане хватались за головы в предчувствии начала Апокалипсиса, но в принципе, жизнь продолжалась.

***

Что такое Хайфа, Игорь Сергеевич знал ещё с 90-х годов, когда на одном из провинциальных железнодорожных вокзалов купил книжку Владимира Кунина «Иванов и Рабинович или Ай гоу ту

зе Хайфа». Но на этом, в принципе, его познания и заканчивались. И вот по пришествию тридцати пяти лет Каплунов увидел этот город воочию. Не смотря на то, что день, когда Игорь Сергеевич ступил на израильскую землю, был хмурым, у него просто дух захватило от панорамы, открывшейся ему из окна его не дорогой, но уютной гостиницы на склоне горы Кармель.

Уставший после перелёта в этот же день он, приняв ванную, решил отложить знакомство с городом на следующий день. Утром он встал ни свет, ни заря. Средиземное море, еле пробивающееся из-за крон зелёной растительности, ещё не было озарено только-только выплывающим из-за горы декабрьским светилом. Выйдя на балкон, Игорь понял, что про тёплые вещи пока можно забыть. Не смотря на то, что было раннее утро, температура близилась к двадцати градусам тепла. Каплунов не стал ждать завтрака, который был заявлен в гостинице на 9:00 и отправился прогуляться.

Он шёл, жмурясь на солнце, по полупустым улочкам. Большинство кафе и ресторанчиков ещё были закрыты. Вывески были в основном на трёх языках: иврите, арабском и английском. Но иногда мелькали вывески латиницей с романскими артиклями, то ли итальянскими, то ли французскими. Пару раз мелькнули русские надписи, и даже одна армянская. На проспекте Бен Гурион стояла высоченная рождественская ёлка, но в окружении деревьев, на которых дозревали апельсины и лимоны, вся эта праздничная мишура не несла по-настоящему праздничного настроения, была какой-то невзаправдашней. И вдруг, на одной из улочек ему наконец-то попалось открытое кафе с невзрачной надписью «Millhouse Cafe». Небольшое кирпичное здание-коробок с широкими окнами, с зелёным навесом над верандой, маленькие столики вокруг всего периметра и два ранних посетителя. Рядом с тротуаром за круглым столиком сидела дамочка с пышной кудрявой копной волос. Одета посетительница была в вызывающие зелёные брюки клёш и в салатовую курточку, она сидела, откинувшись на спинку стула, и пила кофе. А на веранде, возле входа за таким же маленьким столиком сидел пожилой, но бодрый гражданин в белых джинсах и шляпе, читающий газету «Le Monde», и поедающий картофель фри. Гражданин наслаждался ранним утром, газетой и завтраком, обмакивая обжаренные кусочки картошки в кремовый майонезноподобный соус.

Каплунов зашёл в кафе. Весьма скромный по площади квадратный зальчик с тремя небольшими круглыми столиками и не по размеру широкими мягкими креслами. Лысоватый седой мужчина за барной стойкой обернулся и по-приятельски кивнул Игорю.

– Шалом, – сказал Каплунов мужчине.

– Доброе утро, – ответил тот, улыбаясь, – можете не напрягаться, я вижу что вы – русский.

И тут Игорь почувствовал что-то знакомое и в облике, и в голосе мужчины. И вдруг, его как обухом огрело по голове.

– Лёня, это ты? Омеличкин? – с удивлением спросил Игорь.

Мужчина, удивлённо взглянув на Каплунова, ответил:

– Ну, вообще-то, теперь я по паспорту Даниель, но до переезда в Израиль я был Леонидом. А вы?

***

Это было более пятнадцати лет назад. В феврале 2015 года. Хотя нет, всё началось чуть раньше…

После того, как украинская ракета влетела в соседний подъезд и вынесла напрочь целую квартиру на пятом этаже, жена Игоря, впав в истерику, начала умолять его срочно выехать из города. Неделю назад она чудом избежала гибели на проспекте Победы в «Кровавое воскресенье», зайдя в дом за пять минут до начала обстрела. Та женщина, у которой она покупала помидоры, погибла, как и её товарки, желавшие получить живую копейку, чтобы иметь возможность купить хлеба. И то, тогда она не так истерила. И Игорь, поддавшись импульсу, отвёз жену и дочку Лизу к своему дядьке в Липецк.

Полгода они как-то держались сами, но в январе 2015, когда военное обострение началось с новой силой, жена начала умолять Игоря бросить всё и приехать к ним. Легко сказать, приехать! А на кого оставить кота и шиншиллу? Ладно, за котом может присмотреть соседка Раиса Степановна, но бело-дымчатый мальчик-шиншилл по кличке Пломбир требовал определённого ухода. В конце-концов пристроив грызуна к сотруднику, у которого была шиншилла девочка, Игорь выехал в Липецк. Накануне 18 января был жестокий обстрел города, и автобус на Ростов из Горловки в этот день был отменён, перевозчики просто побоялись заезжать к ним в город. Пришлось ехать в Макеевку и подсаживаться в донецкий автобус на микрорайоне «Зелёный».

Липецк встретил Игоря раскисшей погодой. После трёхдневного снегопада наступило крещенское потепление, и город утопал в таявших снегах. К тому времени Каплуновы уже съехали от дядьки, который радушным был только пару недель, когда он понял, что боевые действия в Донбассе могут затянуться, его радушие быстро растаяло. Но после того как Эльвира в августе устроилась администратором зала в секонд-хенд, а потом пристроила туда же и Лизу, они смогли снять флигель на улице Союзной в районе Преображенского кладбища. Когда Игорь приехал в Липецк, он твёрдо решил, что это недели на две, не больше, поэтому вещей с собою брал по минимуму. Но, к сожалению, пришлось подзадержаться.

Однажды пытаясь отвлечься от невесёлых дум, Игорь Сергеевич забрёл в областную библиотеку. Он хотел полистать подшивку старых технических журналов, но в этот день в читальном зале проходило занятие литературной студии «Звукопись», и Каплунов, сперва решивший было уходить, застрял на этом собрании. Он с удовольствием слушал выступавших, а потом полемику и

обсуждение услышанного. До этого Игорь никогда не касался такого явления, как творческий процесс, поэтому обсуждение новорождённых текстов ему показалось занимательным. Рядом с ним сидел невысокий человек лет сорока пяти-пятидесяти, с тёмной бородкой и лысиной строго по центру макушки, как у монаха-капуцина. В течение вечера они с ним несколько раз переговаривались, а во время перерыва, когда участникам предложили чай и кофе с вкусняшками, познакомились.

– Леонид Омеличкин – местный пиит, – отрекомендовался он.

– Игорь Каплунов, беженец поневоле, – представился Игорь.

– Беженец? – удивился Леонид, – издалека сбежали?

– Да вот, приехал из Донбасса проведать жену на пару недель, а уже более месяца здесь торчу, там в нашем районе идут бои за Дебальцево, жена боится и не отпускает меня домой, вот и сижу у них с дочкой на шее.

– А что с работой?

– Да у меня в Горловском техникуме, где я сейчас преподаю горную автоматику и технику безопасности, все сидят в бессрочном отпуске. В городе неспокойно, в центр тоже летят снаряды, поэтому учебный процесс приостановлен.

Так они с Леонидом и проболтали полушёпотом до конца мероприятия, пока все не начали расходиться. А потом они вышли на воздух, когда ночное небо было усеяно яркими зимними звёздами, среди которых торжественно выделялся Орион.

– Вам куда? – спросил Леонид.

– Да пройдусь, наверное, на площадь Плеханова, а там сяду либо на 352 маршрутку или на 9 автобус, – ответил Каплунов, поёживаясь в своём демисезонном пальтишке, – мне на проспект Победы нужно.

– А что это вы так хлипко вырядились по такой погоде? – поинтересовался новый знакомый.

– Да выходил ведь из дома, вроде минус один градус был.

– Был, – пробормотал Омеличкин, – тут, скорее всего уже все минус десять.

– Наверное.

Они отошли от библиотеки метров пятьдесят, и тут Леонид сказал:

– Пойдёмте, зайдём ко мне, – и он кивнул головой на жёлтую четырёхэтажку, стоящую вдоль дороги.

– Зачем? – спросил Каплунов.

– Я вам свитер дам, чтоб вы по дороге домой не околели.

– Да ну что вы, – начал было отпираться Игорь.

Но Леонид был неумолим.

– Что вы, как девочка выпендриваетесь. Я вам дам свитер, вы попользуетесь, а потом вернёте, – и Омеличкин повёл его к третьему подъезду дома, открыл подъезд ключом-магнитом и завёл его в квартиру на первом этаже. На хлопок входной двери из комнаты

в прихожую выглянула милая женская головка с накрученными на бесцветных волосах папильотками.

– Здрасти, – от неожиданности просипела головка.

– Добрый вечер, – ответил Каплунов.

– Ноночка, это мой приятель из Донбасса, Игорь, – и с этими словами Леонид пригласил гостя на кухню, а сам отправился в комнату, откуда послышалось шушуканье и стук створок шкафов.

Через минуту Омеличкин вернулся с мохнатым шерстяным тёплым свитером с высокой горловиной.

– Давай, Игорь, выпьем чаю на брудершафт и поедешь домой, – с этими словами он положил Каплунову на колени свитер и включил электрочайник.

Свитер Игорь вернул спустя месяц, встретившись с Омеличкиным перед отъездом домой. Украинская армия опять получила по шеям, потеряла Дебальцево и теперь запросила перемирия, придумав очередную уловку под названием «Минск – 2». После этого с Леонидом они больше не виделись. И тут на тебе. В Хайфе!

***

– Игорь! Беженец, – расплылся в улыбке Леонид-Даниель, – какими судьбами?

– Да я-то по путёвке, недалеко отсюда остановился в небольшой гостинице «Эден», – а вот ты как здесь, это твоё кафе?

– Да я уже здесь лет десять. Дочка вышла замуж за мальчика из еврейской семьи, лет пятнадцать назад они сюда уехали, а потом и нас с женой сюда перетащили. Живу в районе Хадар, если слышал о таком, там русская речь звучит в разы чаще других языков всех вместе взятых. Кстати, отсюда минут пятнадцать прогулочным шагом, мой дом сразу за Музеем науки. А кафе это зятя моего, я его подменяю, когда ему нужно порешать свои дела.

Омеличкин крикнул в окошко на кухню что-то на иврите, и вскоре к ним вышла официантка с двумя тарелками оладий и двумя чашечками кофе.

– Ты кофе предпочитаешь чёрный или сливок добавить? – спросил Леонид.

– А можно не сливок, а молока?

– А как же, – и он вновь что-то крикнул в окошко официантке на иврите, – а ты пока угощайся, у нас прекрасные панкейки, вся европейская тусовка к нам на них захаживает. Сейчас ещё рано, но часов после одиннадцати у нас уже не протолкнуться.

– А ты не пояснишь, почему Леонид стал Даниелем?

– Понимаешь, эта совдеповская традиция, что пока женщина приходит в себя после родов в больнице, отец обязан зарегистрировать ребёнка – настоящий бич Божий. У мужчин от радости иногда просто пропадала фантазия, и они, с трудом помня только своё имя, делились им со своим новорождённым чадом. Отсюда все эти Сергеи Сергеевичи, Иваны Ивановичи, Сан Санычи и Лео-

ниды Леонидовичи. Моя мать, например, очень расстроилась, когда увидела моё свидетельство о рождении. Она мечтала сына назвать Даниилом, а получила Лёню в квадрате. Поэтому когда я получал паспорт гражданина Израиля, поменял своё имя в память о матери.

Так они проговорили два часа, пока кафе не наполнилось гостями, и Даниелю пришлось оторваться от гостя. Когда Игорь уходил, Омеличкин черкнул ему на фанерном костере телефон и адрес, куда пригласил его зайти в гости.

***

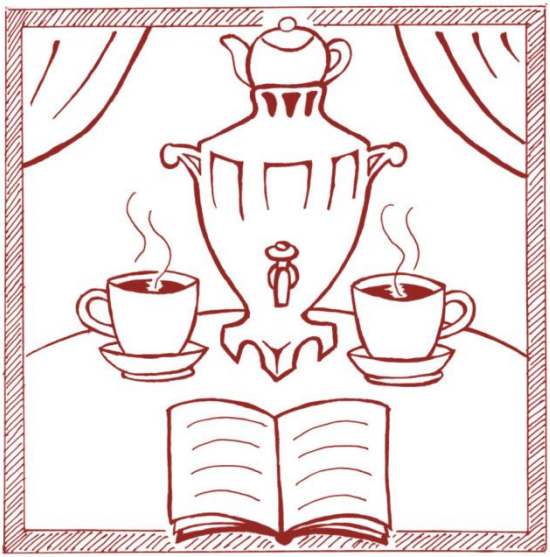
Неделя отдыха пролетела незаметно. Экскурсии, морские прогулки, новогодние мероприятия – всё перемешалось в голове. Хотя пару раз Каплунов заходил в «Millhouse Cafe», но Даниеля там не было. В последний день перед отъездом Игорь решил навестить Омеличкиных. Они жили в небольшом доме с пышным садом, в котором помимо цитрусовых деревьев росли пышные кусты олеандра. Весь вечер они проговорили о жизни. Об Израиле и о Донбассе, о Липецке и о поэзии. Когда Игорь уходил, Даниель вручил ему пакет, с просьбой распаковать его, когда прилетит домой.

– Не волнуйся, – улыбнулся он, – там ничего запрещённого.

***

Когда самолёт приземлился на родной земле, Игорь прошёл все таможенные процедуры и, выйдя в зал нового терминала, оказался в объятиях семьи. Встречали все: и Эльвира, и Лиза, и зять Андрей, и внучок Кирюша. Всю дорогу, пока они ехали на монорельсовом поезде через Червоногвардейский и Ясиноватский районы Донецка, Игорь Сергеевич рассказывал о перелёте, об экскурсиях, на которых он побывал. Рассказал, что хоть их и обещали свозить на Иордан и к Мёртвому морю, поездка не состоялась, а вместо этого свозили их в Бейт-Лехем, то есть в тот самый библейский Вифлием, что и стало самым интересным событием этого путешествия. А родные рассказывали, как они встретили новый год, к кому ходили в гости, куда ходили…

Уже дома, когда Каплунов раскладывал подарки и сувениры, он вынул пакет Омеличкиных. Разорвав упаковку, он обнаружил там новый красивый свитер. Тоже шерстяной, тоже с высокой горловиной, но более радостной расцветки. На секунду в его голове пронеслись события тех ужасных лет, горемыканья между Донбассом и Липецком, окончание войны, возвращения жены в Горловку. Словно очнувшись, он улыбнулся, расстелил свитер на диване, и вдруг подумал, что это не просто вещь, подаренная друзьями, это – символ взаимовыручки, дружеских взаимоотношений. Свитер человечности!



ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ

У нас в гостях Кировское региональное отделение СПР

Кировское отделение Союза писателей России – одно из старейших писательских объединений страны. Свой отсчёт областная писательская организация ведёт от 21 мая 1921 года, когда в Вятке (историческое название современного города Кирова, центра Кировской области) проходил первый губернский съезд пролетарских писателей. В прошлом году вятские писатели, насчитывающие в своих рядах более пятидесяти членов Союза писателей России, отметили 100-летие своей организации. Вручая знамя Союза писателей России на посвящённом этой юбилейной дате торжественном мероприятии в областной научной библиотеке имени А.И. Герцена, глава Союза писателей России Н.Ф.Иванов сказал, что вятские писатели являются основой духовной безопасности страны. Порукой тому многотомная Энциклопедия земли Вятской, выпущенная силами областной писательской организации, книжные серии «Народная библиотека» и «Народная библиотека XXI век», «Антология вятской литературы», такие издательские проекты, как ежегодный альманах «Вятка литературная» и ежемесячный литературный журнал «Ротонда». С 1963 года при Кировской писательской организации существует и успешно развивается областной литературный клуб «Молодость», воспитавший многие поколения кировских поэтов и прозаиков. В разные годы участниками этого литературного объединения были и представленные в нашем журнале члены Союза писателей России Александр Дёмышев, Елена Коновалова, Николай Пересторонин, ещё и руководивший клубом на протяжении нескольких лет. А Антон Смёрдов является участником литературного клуба «Молодость» и по сей день.

АНДРЕЙ АРИСТОВ

Родился в Кирове 28 марта 1980 года. Член Союза писателей России. Образование высшее, в 2002 году окончил Вятскую Государственную Сельскохозяйственную Академию по специальности «биолог-охотовед». Работал егерем в охотничьих хозяйствах, журналистом в газете «Кировская правда», станочником, водителем, трактористом. Дипломант и лауреат фестивалей авторской песни. Печатался в альманахе «Зелёная улица», журналах «Илья» и «Наш современник», периодической печати. Автор книги стихов «Непридуманная сказка».

КАРИНКА

Небо сыпало мелкую морось.
С перегона протяжным гудком
Огласил прибывающий поезд
Многолюдный осенний перрон.

Колея извивается змейкой,
И везёт нас зелёный вагон
По виляющей узкоколейке
В даль багрянца и золота крон.

И, быть может, опять не по делу,
Но в угоду капризной судьбе
На беду, на удачу, на веру
Загадал я дорогу себе.

Выходные. В вагоне народу –
Точно в банке солёных грибов.
Ведь Россия – страна садоводов,
Не беда, если климат суров:

Он не раз приходил на подмогу
В лихолетье к народу страны,
И железная эта дорога
Есть наследие страшной войны.

Не судить мне о том, где я не был,
Но и мне через годы видны
Беспросветно-свинцовое небо,
Чёрно-белые долгие дни.

По размытым осенним ухабам,
Матерясь, чтобы мускул не чах,
В телогрейках подростки и бабы
Эти рельсы несут на плечах.

Представляю себе... А хотите –
Нарисую и вам подарю.

Вы меня, старики, извините,
Если что я не так говорю,

Но кому ж, как не вам, заступиться
Перед нами за русскую речь:
«Не умеете вы материться,
Да и нечего сбрасывать с плеч!»

В эти дни по лесам да охотам
Догоревшего лета следы
Всё пытаясь ловить – да чего там! –
Я приехал в разгаре страды:

Огласил перегоны и стрелки
Шум да лязг торфяных поездов,
И простёрлись над узкоколейкой
Облака синеватых дымов.

Косяком перелётные птицы
Отлетают на юг до весны.
Старый тетерев чутко таится
На верхушке корявой сосны.

Паутина серебряной влаги
Пусть задержит ещё холода...
Как отвар из берёзовой чаги
В ручейке торфяная вода.

ХУДОЖНИК И ПРОМЫСЕЛ

Бог не дал золотой казны.
Он сказал: я же знаю тебя.
Не познавший цены труду,
Ты не сможешь быть лучше, чем есть,
И слова твои будут пусты,
И богатство тебя не спасёт
От позорной славы глупца.

Бог не дал золотой казны.

Бог не дал богатырской силы.
Он сказал: я же знаю тебя.
Ты сейчас же пойдёшь воевать
Против зла, против всякой беды,
Будешь бить без разбору и сам
Не заметишь, как станешь злом.

Бог не дал богатырской силы.

Бог не дал большого ума.
Он сказал: я же знаю тебя.
Ты начнёшь страдать за других,
Ты начнёшь на меня роптать,

Что одних наградил, чем хотел,
А другим не дал ничего.
Ну и что же с того, что не дал?
Быть убогим не так тяжело,
Как тебе, мой талантливый друг,
Как тебе, мой талантливый друг...

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ

Может, жить мне да жить. Может, я доберусь
До такого глухого предела,
Где познаю о прошлом тяжёлую грусть
И сухое негибкое тело,
И себя на ногах до конца удержу,
Сколько б сил у меня ни осталось.
Вот тогда я узнаю, но вам не скажу,
Как кончается старость.

Хорошо тебе, друг, если ты не один,
Если кто-то тебя продолжает.
Ты не льёшь на дрова дорогой керосин,
И костёр твой по-тихому тает.
Жизнь не слишком сладка и не очень горька,
Ни особая яркость, ни серость.
Хорошо, если так. Я не знаю пока,
Как кончается зрелость.

Если веришь не опыту – только уму,
Получая за это по шапке,
А все мысли о том, будто жить ни к чему,
Побросал, как ненужные тряпки,
То не медли, спеши, набирая разбег,
Лишь бы носом в бутылку не клюнуть.
Ты ещё молодой, но уже человек.
Так кончается юность.

А когда начинают сбываться мечты –
И попробуй поверь, что не сами,
Но на деле не кто-то другой – только ты
Собираешь своими руками
По крупе, по чуть-чуть, по всего ничего
Свои первые силы и средства,
В этот самый момент – не проспи же его –
Слава Богу, кончается детство.

Может, жить мне да жить...

АЛЕКСАНДР ДЁМЫШЕВ

Член Союза писателей России, автор книг прозы «Витькины небеса. Жить ради Победы», «Тихий океан...лишь называется Тихим», «ERIKA». Участник областного литературного объединения «Молодость», лауреат областной премии имени О. М. Любовикова, межрегионального фестиваля кино и литературы «Солдаты Победы». Работает в группе сопровождения грузов на оборонном предприятии «АВИТЕК», родился в 1973 году, живёт в городе Кирове.

ПЯТЬ МИНУТ ДО ПОБЕДЫ

Долгий протяжный звук мешает пятнадцатилетнему Витьке спать. Так хочется оставаться в сладком забытьи... И тут до него доходит: это же заводской гудок!

В ужасе откидывает Витька тёплое лоскутное одеяло, вскакивает с постели, разложенной на полу, начинает судорожно накидывать одежонку на худое тело.

Мелькают тревожные мысли: «Бабушка не разбудила. Как она там, жива ли?» Но тут же слышатся хрипловатые причитания из-за печки:

– Витюша, прости, проспала я, расхворалась совсем. Боже, помоги...

Но Витьке некогда объяснять старушке, что «Бога нет»: он уже вылетает из дому и мчится к проходной.

И почему же на нашем 32-м заводе гудок такой слабый? В избе – почти не слышно! Вот на КУТШО гудок что надо, мёртвого разбудит! А мамка, как назло, в эту неделю в ночную смену работает, уж она ни в жизнь не проспала бы! А так пока отработает, да с Шинного пешком до Филейки доберётся – так ещё часа два пройдёт.

Он бежит что есть мочи, стараясь огибать дорожную грязь, прыгает через лужи. Спотыкается о кочку и чуть не плачет от боли, ударившись ногой, на которую вчера упала тяжёлая заготовка детали для авиационной лебёдки.

«Сегодня самый неудачный день!» – думает Витька. Третий год он на заводе – и ни разу не опоздал. Идёт война, и, как все трудоспособные кировчане, он «пашет» по двенадцать часов без выходных. Не раз бывало, что по нескольку дней не выходил из цеха, когда сменщик болел. Просто ложился у станка поспать часика три – и дальше работал. И план всегда давал – а тут!

Бегут драгоценные минутки, а в памяти мелькают обрывки грозных статей из многотиражки «Заводский большевик» с суровыми приговорами врагам народа.

Конечно, за небольшое опоздание судить не будут, но выговор объявят точно. Да зарплату урежут на полгода процентов на двадцать. А в семье ещё два брата да две сестры, и все младшие, не работают ещё, да бабушка больная. На батю ещё в сорок втором похоронку получили. Вот и выходит, что они с мамой вдвоём семью тянут; каждая копеечка дорога.

Всё больнее ступать, да и «дыхалка» кончилась. Витька ковыляет быстренько мимо стройбатовской столовки, мимо барака военно-учебного пункта. Глаза слезятся от обиды.

«А вдруг есть Он, Бог-то?» – проносится в Витькиной голове. И тут же, словно боясь передумать, он шепчет: «Боже, помоги!». И снова пытается бежать.

Цель близка. У маленькой деревянной проходной многолюдно, не протолкнуться. Рабочие стоят, слушают оратора. До запыхавшегося Витьки, наконец, начинают доходить обрывки фраз: «благодаря героическим усилиям нашего народа…», «фашистская Германия полностью разгромлена…», «подписан акт о безоговорочной капитуляции…»

Витька всё ещё как в тумане, нога болит, сердце колотится. Он слышит слова, но не совсем понимает смысл. В голове попрежнему крутится: «Быстрее в цех, к станку!» Как вдруг где-то на краю сознания проносится: «Победа!» И тут до него по-настоящему доходит: «Войне конец, мы победили! Победа!!!»

Он слушает ораторов, видит улыбающиеся возбуждённые лица, хлопает в ладоши, кричит со всеми громко: «Ура!!!». А в голове радостно пульсирует: «Победа! Победа!! Победа!!!»

По такому случаю объявляют выходной. Люди начинают расходиться. Где-то уже играет гармошка. А Витька всё стоит и смотрит в небо. Порхают неизвестно откуда взявшиеся в начале мая снежинки; наверное, из-за них глаза опять чуть мокрые.

Как хорошо, кажется, впервые за эти годы никуда не спешить. Просто стоять и смотреть в небо…

ЕЛЕНА КОНОВАЛОВА

Родилась 13 июня 1970 года в с.Шапта Кикнурского района Кировской обл.. Окончила Волынский государственный университет им. Л. Украинки, Вятский государственный университет. 20 лет службы в Вооружённых Силах РФ. Участница всеармейских совещаний военных писателей в Москве. Живёт в г. Киров. Пишет стихи и прозу. Публиковалась в коллективных сборниках, антологиях, журналах. Автор книг: «Моё село на косогоре», «Белое на плечи – доброму навстречу», «По кромке осени». Член Союза писателей России. Выпускающий редактор ежемесячного литературного журнала «Ротонда».

****

Молить глазами небо
в рассветный час
дыхания планеты.
Спросить безмолвно –
где мы и кто?
Куда несёт течением
небесный водоём?
И что мы можем?
Лишь помнить
об ушедших.
И любить
Живых.

****

Выше берёз и сосен,
Кажется, ближе к небу.
Стены моей больницы
Смотрят глазами в лес.
Вот он, могуч и грозен,
Молча хранит границы.
Если б к нему и мне бы
Птицей свободной с небес.

Я бы сказал ему: «Батя,
Дайте мне ствол, патроны.
Белые стены палаты,
Видно, совсем не по мне.
Всё, належался, хватит...»
Плечи сомкнут маскхалаты –

Братья мои... Как больно
Мне умирать по весне.

Южный подует ветер,
Сбросят деревья бушлаты.
Юною клейкой листвою
Зазеленеет лес.
Люди, зажгите свечи,
Майской победной весною,
Чтобы вернуться солдату
Птицей крылатой с небес.

РАССТРЕЛЯННОЕ НЕБО

Я буду помнить первый день войны:
Расстрелянное небо, плач ребёнка.
И голоса погибших без вины
Я буду слышать сердцем долго-долго.

Мне не дадут забыть ни Волга, ни Нева,
Ни крепость Брестская, ни Севастополь.
И солнца круг, и неба синева,
Берёза белая и серебристый тополь.

Я не забуду первый день войны.
Мир, содрогнувшийся спросонок.
Когда все уголки моей страны
Накрыли крылья чёрных похоронок.

КОСТРОВО

Утро в ярких обновах
Загляделось в пруды,
У деревни Кострово
В белых платьях сады.

Зарождается звонко
Удивительный день,
Громыхает ведёрко –
Слышат пять деревень...

Только было ли это? –
Опустели дворы.
Безголосое эхо –
Не слыхать детворы.

Кровянеют поляны,
Но пусты туеса.
И стоишь ты, печальна,
Слёзы – божья роса.

Вновь не спишь до рассвета,
Молчалива, одна.
Горькой памяти лето,
Что украла война.

Звёзды гаснут, и снова
До рассветной поры
У деревни Кострово
Догорают костры.

***

Рядовому Поддержину Григорию Васильевичу и всем воинам 1 гвардейской кавалерийской дивизии, пропавшим без вести 3 марта 1943 года у села Первомайское Балаклейского района Харьковской области, Украина.

Травы во степи горечи полны.
Ветры пахнут чабрецом и мятой.
На шестьсот двадцатый день войны
Здесь пропали без вести солдаты.

Как же вас найти, деды и отцы?
Как вам рассказать – Победа с нами!
На шестьсот двадцатый день войны
Вы живыми были. С именами.

Знайте, что храним ваши имена
Мы в сердцах своих, и память свята.
Не носили вы в праздник ордена,
Без вести пропавшие солдаты.

Лишь встревожит сны эхо той войны,
И в полынных утренних туманах
Встанут в полный рост Родины сыны –
Строй бойцов безвестных, безымянных.

Как же их спасти? - Кончились бои.
О, какой была за счастье плата...
На алтарь Победы имена свои
Отдали советские солдаты.

Чтобы на земле вновь жила любовь,
Солнцу и весне радовались дети!
Ненавидя смерть, проливали кровь
Воины за счастье на планете.

Где степной ковыль навевает сны,
Пахнут ветры чабрецом и мятой,
На шестьсот двадцатый день войны
Обрели бессмертие солдаты.

***

Пулей смертельной ранят-
Сердцем услышит мать.
Долго ль на поле брани
Детям Земли умирать?

В малом куске металла
Кроется сгусток зла.
Полно! Земля устала
Ладить постели для сна.

Сила любви развеет
Миф о бессмертье войны.
Пусть на полях алеют
Красные маки весны!

Верьте! Отступит лихо,
Больше не будет бед.
И над Землёю тихо
Мирный взойдёт рассвет!

НИКОЛАЙ ПЕРЕСТОРОНИН

Член Союза писателей России, автор 29 книг стихов и прозы, публикаций в журналах «Наш современник» (Москва), «Родная Ладога» (Санкт-Петербург), «Дрон» (Белгород), «Русское эхо» (Самара), «Литера» (Йошкар-Ола), «Пермь литературная», « Всерусский собор» и других. Заслуженный работник культуры России, лауреат премии Правительства России в области печатных СМИ, премии правительства Кировской области имени А.И. Герцена, всероссийской литературной премии имени Н.А. Заболоцкого, православной литературной премии имени святого благоверного князя Александра Невского, кавалер ордена Достоевского I и II степени, медали Года литературы «За особый вклад в книжное дело». Главный редактор альманаха «Вятка литературная» и ежемесячного литературного журнала «Ротонда». Родился 1 декабря 1951 года. Живёт в городе Кирове.

***

День Победы. Седые застолья.
Память свята, НЗ неделим.
Всем, кто здесь, одинаково больно,
По своим, по своим, по своим.
В дни безвременья и безверия,
Не за то ли себя мы корим,
Что стреляла порой артиллерия
По своим, по своим, по своим.
Поминально горели деревья,
И чернел над пожарищем дым.
Город выл, убивалась деревня
По своим, по своим, по своим.
Всех помянем блинами и водкой,
Доведётся, опять победим.
А пока бьём прямою наводкой
По своим, по своим, по своим.

***

Была война. Мы опоздали,
В десятилетья обошлись.
Отцы и деды воевали,
А мы ещё не родились.
Светилась, падая, ракета,
Катились звёзды на плечо.
Прошла война. Взошла Победа,
А нас всё не было ещё.
Огонь боёв и дым пожарищ,

Голодный быт в родном дому-
Расскажет старший мой товарищ.
Я верю на слово ему.
Мы это в школе проходили,
Горел в огне военный снег.
Но говорю: «Мы победили!»
Поскольку русский человек.

***

Снегопады двадцатого века,
К сожалению, сводят на нет
След реликтового человека,
Снежной истины тающий след.
Не выходит скрепить во спасение,
Как звеном меж людьми и зверьём,
Ненадёжную связь поколений,
Связь далёких и близких времён.
Оттого ли во дни недорода
Судим, поздним рассудком крепки,
И отца всех времён и народов,
И родного отца, чудаки.
Оттого ли перстом указующим
Нас так часто сбивают с пути,
Что стоим между прошлым и будущим
И не знаем, куда нам идти.
Очевидно, в нательных рубахах
Мы б имели растерянный вид,
Но охранная грамота страха
Нас до лучших времён сохранит.
И простит человек человека,
Но, верша человечеству суд,
    Снегопады двадцатого века
Белой солью на раны падут.

***

Это нужно России израненной,
Потому и сбывается в ней:
По-над шрамами жизни неправедной
Исцеляюще кружится снег.
Гуще сумерки, дни ли короче,
Или ветер такой ледяной...
«От родимца, испуга и порчи...» -
Кто-то шепчет над бедной страной.

И устало смежаются веки,
И баюкает душу простор.
Хорошо бы навеки, навеки
Был серебряный тот заговор.

***

В краю, где подзолы и глина,
В дому, где ни так и ни сяк,
Достанет гармошку Галина
И грянет: «Наш гордый «Варяг!»
И песня безмужняя льётся,
Как вдовая доля ведёт.
Она никому не сдаётся,
И в плен никого не берёт.
Она проросла в поколениях,
Её не забьют сорняки...
Есть женщины в русских селениях,
Да мало живут мужики.

***

Памятник маршалу Великой Отечественной И. С. Коневу стоял в Кракове, но поляки выдворили его. Теперь он стоит в Юго-Западном районе российского города Кирова (историческое название –Вятка), на площади маршала Конева.

Памятник выдворят – совесть убудет.
Голос забвения стих.
Есть чем гордиться, вятские люди:
Мы не бросаем своих.
Мал пьедестал для манёвра и марша.
Были щедрей на гранит.
Но и поныне каменный маршал
За Юго-Запад стоит.
Чтобы скорей отошли от порыва,
Вспомнили славу свою.
Словно не Конев стоит у обрыва:
Чувствую – мы на краю.
После доспорим от рати и жите,
В чём и когда на парад.
Вятские маршалы, просто скажите:
«Больше ни шагу назад!»

АНТОН СМЁРДОВ

Родился 9 марта 1986 года в посёлке Даровской Кировской области. Живёт в городе Киров. Участник областного литературного клуба «Молодость» при отделении Союза писателей России, автор книги стихотворений «Право на ошибку» и сборника рассказов «Кеды». Лауреат всероссийского фестиваля авторской песни «Гринландия», Гран-при конкурса стихов о посёлках и деревнях Кировской области. Публиковался в антологии «Священная Война» (Волгоград), альманахе «Вятка литературная» (Киров), журналах «Литера» (Йошкар-Ола) и «Ротонда» (Киров).

БАТАЛЬОН

Не деля на своих и чужих,
смерть гуляла по ржевским окопам...
Засыпая землёй молодых
и ровняя с ней старых, – всем скопом.
И от воя снарядов немел
батальон пожилого комбата...
Каждый в нём возвратиться хотел
в те места, где родился когда-то...
Были с Минска, Орла и Москвы,
были те, кто родился на Вятке,
кто не мыслил страны без Невы,
с Севастополя несколько хватких...
Видел Бог... Но мешали дымы,
но мешали разрывы и вспышки.
Он не смог всех спасти от войны,
оправдав своё имя – Всевышний...
И вгрызались в свинцовую твердь,
по старинке – штыком и лопатой, -
те, кому суждено умереть:
батальон пожилого комбата...

Не деля на своих и чужих,
время в мельнице мелет народы...
Вой снарядов над пашней затих...
Из земли поднимаются всходы...
Вдалеке, на опушке, дубы
лечат майскими ветрами шрамы...
И стоят из гранита столбы,
а над ними склоняются мамы...
Вот из Минска, а вон – из Москвы,
там – из Вятки и из Ленинграда:
батальон благодарных живых...
Батальон пожилого комбата...

ДЕВЧОНКА ИЗ СОСЕДНЕГО ПОДЪЕЗДА

Девчонка из соседнего подъезда,
Ещё вчера сидящая за партой,
Лелеющая мысли – стать невестой,
Ушла на фронт и стала санитаркой.

Тетради, позабытые в портфеле,
Сменила на бинты и фляжку спирта...
Мечты о мирной жизни улетели,
Оставив место страхам и молитвам.

Над русой головой свистели пули,
Ладони обливались чьей-то кровью,
А ночью снились школьные подруги
И мамин силуэт у изголовья...

Летели дни, и жизни, и мгновенья...
В боях под Сталинградом поседела,
Под Брестом побывала в окружении,
А в Кёнигсберге тифом проболела...

Ещё чуть-чуть, – и вот она, – победа...
Но где-то на окраине Берлина
Девчонке из соседнего подъезда
Шальная пуля в сердце угодила...

Я вдруг узнал её, когда несли к палатке, –
От ужасов войны – обратно, в детство,
Где мама ждёт из школы ленинградку,
Живущую в подъезде, по-соседству...

В МЕДСАНБАТЕ

Он мне сказал: «Допей, не думай»,
А мне не думалось совсем, -
От самогонки пахло дубом,
Тянуло сыростью от стен...

Мы с ним присели на скамейке, -
Акации роняли цвет,
И дым тянулся лёгкой змейкой
От выкуренных сигарет.

Мы выпили по полстакана,
За раннюю в тот год весну.

А он внезапно вспомнил маму,
Копающуюся в саду...

Он не смотрел на неходящих
И мыслил только о своём:
О яблонях, в огне стоящих,
О яблоках в пожаре том.

И я почувствовал, как где-то
В сожжённом немцами жилье,
Его судьбу разносит ветер,
Оставив пепел на земле...

И медсестра не подходила,
Боясь увидеть темноту
В глазах, задумчивых, унылых,
Уставившихся в пустоту.

Под закровившими бинтами
Пульсировал простой мотив...
Горела даль, прожекторами
Ночное небо осветив...

И слышались за медсанбатом,
Там, за излучиной реки,
Приказы старого комбата
И паровозные гудки...

Он мне сказал: «Допей, не думай»...

РИСУНКИ О ВОЙНЕ

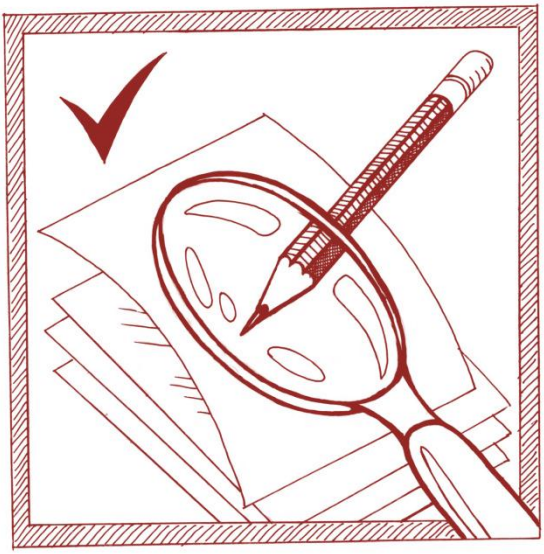
Альбомный лист рябит от дыр:
Здесь мальчики войну рисуют...

Над местом взрыва вьётся дым, -
Ненаши с нашими воюют.
Тут всё понятно: вот он - враг, -
Бежит под дулом автомата,
И вдалеке, у дзота, танк
Затих, подорванный гранатой...
И самолёты вьются в бой
На фоне голубого неба...
И солнце светит над землёй,
Которой до него нет дела...

Оторван уголок листа
У чёрно-белого рисунка, –
Идея, кажется, проста:
Снег, человек и рядом – сумка.
Одно не ясно: где же враг,
Убивший этого беднягу.
Не этот ли старик, в санях
Везущий по дороге флягу…
А может, враг – за той стеной, -
Остатками чьего-то дома,
Или – в толпе, над полыньёй
Посередине водоёма?

А вот – ещё один портрет:
Мальчонка голый за колючкой
Кому-то с грустью смотрит вслед,
Сжимая проволоку в ручках…
Или – пейзаж горящих хат,
Где лошадь с огненною гривой,
Или – клонящийся солдат
Из бронзы… Братские могилы…

Вокруг скрипят карандаши.
И на бумаге, как вживую,
Вторую прожигая жизнь,
Не наши с нашими воюют…



СТИХИЯ ПОЭТИКИ

ЕЛЕНА ЗАСЛАВСКАЯ

Поэт, детский писатель, журналист. Автор восьми поэтических сборников и поэмы «Новороссия гроз. Новороссия грёз», книг для детей, а также публикаций в интернет-изданиях и периодике России и зарубежных стран. Член Межрегионального СП (МСПС), Союза писателей России, Интернационального СП, Союза писателей ЛНР. Стихи переводились на немецкий, французский, испанский, английский, литовский и болгарский языки.

КРЕСТНЫЙ ХОД И БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК В АЛЬБОМЕ РОК-ГРУППЫ «ЗВЕРОБОЙ» «РОДИНА»

В феврале 2022 года после признания Россией республик Донбасса и начала спецоперации на Украине многие россияне почувствовали, что мир изменился, что возврату к прошлому не будет, и теперь каждый должен определиться, решить для себя, что для него значит Родина, будет ли он её защищать или уедет туда, где «Икея» и «Кока-кола».

Многие поэты и музыканты задавались вопросом, что для них значит слово Родина и до судьбоносного дня Z. К их числу относятся и музыканты рок-группы «Зверобой».

«Зверобой» – рок-группа из Москвы, основанная в 2008 году, работающая в стиле рок с элементами блюз-рока, гранджа, фолка и других направлений. Поэзия группы – русскоязычная социально-романтическая лирика, отражённая в альбомах «Жив» (2008), «Акустика» (2009), «Ток» (2013), «Война за Мир» (2016), «Родина» (2018), «Русская весна» (2021).

Участники коллектива занимают активную гражданскую и патриотическую позицию.

Начиная с августа 2015-го года группа «Зверобой» регулярно совершает поездки в Донбасс, выступая в Донецке, Луганске, Горловке, Ясиноватой, Стаханове и других городах Донбасса. Выступления группы происходят в самых разных форматах – от многотысячной аудитории центральных площадей городов, до поселковых школ, домов культуры и окопов передовой линии, где «Зверобой» также неоднократно выступал непосредственно перед бойцами. Кроме того, коллектив по мере сил оказывает волонтёрскую поддержку защитникам Донбасса и мирным жителям.

В марте 2017 года видеоклип на песню «Едут-едут БТРы» набрал за несколько дней полмиллиона просмотров. Его поставили в ротацию федеральный российский телеканал «Звезда», а также все основные телеканалы Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики: «Первый Республиканский», «ДНР24», «Новороссия-ТВ», «Оплот-ТВ», «ГТРК ЛНР».

Музыкальный критик Андрей Смирнов в своей рецензии отмечает, что альбом «Война за мир» стал результатом активной поддержки Новороссии и нескольких поездок в Донбасс. Хотя музыканты хорошо знают материал, погрузились в атмосферу военного Донбасса, им не удалось высказать всё в одном альбоме из-за необъятности темы и богатства событий. Новые песни сложились в альбом «Родина», появившийся в 2018 году.

Рассмотрим альбом «Родина» и покажем, какой образ России создаётся в его композициях.

Журналист Алексей Иринеев охарактеризовал альбом «Родина» как рок на баррикадах и отметил, что каждый из шестнадцати треков является оригинальным, не похожим на остальные.

Иринеев пишет: «Уже поставленная первым номером вещь «Безымянный Солдат» по-настоящему впечатляет. Незатейливая, на первый взгляд, история звучит настолько жизненно и правдиво, что волей-неволей проникаешься интересом и уважением к авторам, посчитавшим нужным спеть о погибшем на страшной и беспощадной войне человеке – простом солдате».

В песне «Безымянный солдат» мы видим, как идея христианской жертвенности проявляется в строках, в которых певец обращается к погибшему безымянному солдату:

Ты неназванный мой брат,
Лишь одну из всех наград –
Признавал Победу свято,
Как в далёком сорок пятом...
Рядовой, не командир –
Ты стоял за Русский Мир,
За Единое Крещение,
За Святое Воскресенье...

Неслучайно в этом тексте появляются христианские образы, упоминаются христианские таинства. Сакральный христианский план бытия сложно передать секулярным языком. Попыткой описать сакральное пространство России без обращения к православию является образ Победы в Великой Отечественной войне, где жертва солдат за мир составляет главный элемент образа.

Сходные идеи есть и в песне «Солнце наше красное»:

Расскажи мне, как видишь свой завтрашний день, мой друг.
Пол-литровая правда рвётся в стакан из рук.
Не серчай, даже если наш голос совсем умолк,
Ведь у нас за спиной Крестный Ход и Бессмертный Полк!

Идея бескрайнего простора и исторической преемственности поколений воплощена в песне «Ополченец»:

В густой траве и мягких ковылях,
Средь баб окаменевших скифских,
В краю степных грудастых сфинксов
Заснула крепко Родина моя.

В этой же песне присутствует и идея временного безмолвия, которое прерывается, когда вечный ополченец своим поцелуем будит спящую Родину:

Вот он идёт! Неистов! Юн и груб.
От крови свежей сладким поцелуем,
Войною, революциею, бунтом,
Касается её горячих губ.
И он её разбудит, как всегда.
— Проснись! Вставай! Твой сон не будет вечным!
И как когда-то поправлял он меч свой,
Калаш поправит на своём плече.

Андрей Смирнов подчёркивает взаимосвязь сказочных героев с героями реальными: «Колыбельная «Спит солдатик молодой» стала гимном «Безымянному солдату», а «Ополченец», несомненно, один из центральных номеров альбома, обрел удивительную полноту – он и «парень из соседнего двора», и почти сказочный герой, и тот самый «партизан» из политической философии XX века, с его мобильностью, политической вовлеченностью и «теллурическим» характером – привязанностью к земле, на которой сражается».

Что это за земля, мы можем понять, прослушав песню «Родина»:

Родина, как жизнь, подарена Создателем.
Родина, твой сын всегда один у матери.
И Родина одна, на паперти, на куполе.
Родина в Твери, Одессе, Мариуполе.
В Воронеже, Саратове, в Рязани да в Архангельске,
В Иркутске, Барнауле, Тюмени да Хабаровске,
В Кургане, во Владимире, в Ростове, Белореченске,
В Смоленске, в Ленинграде, на Вятке, в Благовещенске...

Подводя итоги, Андрей Смирнов описывает основную тему альбома как Победу, в которой соединяются прошлое и будущее на просторах Родины – большой страны «вне всех пограничных столбов образца 1991 года». Родина предстаёт как земля, объединяющая сакральный и внецерковный план исторических событий, то есть Крестный ход и Бессмертный полк.

Родина в альбоме сохраняет историческую память и советского, и имперского периода. Христианская идея самопожертвования возникает в альбоме в форме идеи защиты родной земли России, ради которой отдавали свою жизнь и советские солдаты, и современные ополченцы Донбасса.

Московская рок-группа «Зверобой» создаёт в своём творчестве образ Родины, понятный и близкий людям всего Русского мира, поскольку он включает в себя опыт русского народа, воплощённый в таких символических событиях, как Крестный ход и Бессмертный полк.

НИНА ИЩЕНКО

Кандидат философских наук, культуролог, литературный критик. Член Союза писателей ЛНР, Философского монтеневского общества Луганска.
Автор книг «Локусы и фокусы современной литературы» (2020), «Книжная полка Татьяны Лариной» (2020), «Город на передовой. Луганск-2014» (2020), «Борьба цивилизаций в “Отблесках Этерны”» (2021), «Южный фронтир: Россия – Украина – Донбасс» (2021). Редактор-составитель шести сборников Философского монтеневского общества Луганска.

«РУССКИЙ ЛАВКРАФТ»: ЛЕДЯНОЙ ПОХОД ПО ЗИМНЕМУ ДОНБАССУ

Образ Родины, создаваемый литературными средствами, обращается к культурном памяти. Культурная память включает не только историческую память о событиях, пережитых народом, но и всё пространство мировой культуры. Для выражения образа Родины современный поэт может обращаться к разным темам чужих культур, формируя художественное единство. Рассмотрим, какие культурные топосы использует для создания образа родного Донбасса современный поэт Александр Сигида-сын в стихотворении «Русский Лавкрафт».

Александр Сигида-сын (1986 г. р.) – поэт, переводчик с французского и испанского. Родился в семье шахтёра и учительницы русского языка. Окончил в 2003 году Луганский лицей иностранных языков, в 2010 году стал магистром французской филологии. С 2014 года занимается текстами милитаристического, декадентского, романтического направления. Любимые авторы – Лимонов, Лавкрафт, Ницше, Гумилёв, Честертон, Киплинг. В 2014 году, когда Украина напала на Донбасс, Александр ушёл в народное ополчение, в настоящее время (2022 год) является военнослужащим в ДНР.

Стихотворение «Русский Лавкрафт» написано в 2016 году. В произведении даётся совершенно неожиданное прочтение узнаваемого донбасского пейзажа. На то, что перед нами воюющий Донбасс – родина автора, указывают такие детали, как степной горизонт и угольные шахты, среди которых находится часовой:

Не спит на часах с винтовкой солдат
Волком глядит
На горизонт, снежный, степной.
... Видишь знаки разрывов близ угольных шахт?

В этом пейзаже лирический герой последовательно выбирает и отбрасывает следующие жизненные стратегии: читать книги, от-

городившись от реальности; оставить окоп и уехать подальше; наблюдать свысока за битвами других.

Первый вариант жизнеустройства открывает стихотворение, стоит на выделенном, семантически сильном месте. Это мечта «книжного мальчика, не знавшего битв», по выражению Высоцкого:

Если б я знал,
Я бы остался, как Говард Лавкрафт,
На чердаке, книжным червём, вечный изгой....
Я б не равнял
В зимние ночи лунный ландшафт
Я бы не брал
Книги в последний, решительный бой.

Второй вариант, всё бросить и уехать, развивает тему отстранения от войны:

Если б любил,
Я бы не вёл себя, словно Лавкрафт,
Как дезертир, я бы оставил стылый окоп...
Плюнув на всё,
С милой еврейкой, Сонею Гафт,
С bad jewish girl
Я переехал бы жить в Конотоп.

И наконец, квинтэссенция этого подхода подытоживает все возможные варианты отстранения от жизни, битвы и войны:

Если б я был
Так беспристрастен, каким был Лавкрафт,
Я бы обнёс владенья мои крепкой стеной...
И свысока я наблюдал бы, как астронавт,
Тех, кто внизу
Всё не поделят шарик земной.

Все эти стратегии описываются и последовательно отбрасываются автором. Сравнивая лирического героя с Лавкрафтом, автор дает понять, что его персонаж – тоже писатель, создатель волшебных миров. Он стоит перед выбором, ищет свой путь во тьме. Отброшенные альтернативы заставляют читателя отвернуться от других пространств и вглядеться в простор, который открывается перед писателем, смотрящим вперёд.

В последних строфах стихотворения автор создаёт лавкрафтианский пейзаж, перенося реалии произведений короля ужасов в донбасские степи. Среди угольных шахт и бескрайних степей вырисовываются города Кадат и Р'лайх из «Зова Ктулху», Олатоэ из «Полярной звезды», знаменитых рассказов Лавкрафта. Вместе с лавкрафтианскими топосами в пространстве Донбасса возникает атмосфера ужаса, стылой ледяной пустыни, населённой мверзями, кошмарными призраками-феями из Страны Снов.

В этом ландшафте лирический герой ищет свой правильный путь:

И всё хорошо,
Освобождён с боем Кадат
Снова в поход, Р'лайх – позади,
Там, за спиной...
В Олатоэ
Не спит на часах с винтовкой солдат
Волком глядит
На горизонт, снежный, степной.

Говард, пора.
Видишь знаки разрывов близ угольных шахт?
Слышишь ли крики мверзей ночных
Над нашей страной?
Фридрих-Вильгельм, снайпер Бодлер и
Русский Лавкрафт
Время – вперёд...
Снова уходят в поход ледяной.

В последних строфах стихотворения путь выбран. Русский писатель, русский Лавкрафт, идёт в бой, уходит в ледяной поход. Если в первой строфе появляется «последний решительный бой» из Интернационала, отсылая к красной идее, то последние слова стихотворения, семантически самая сильная позиция всего произведения, указывают нам на мифологему белого движения – ледяной поход, то есть первый поход Добровольческой армии на Кубань в феврале-апреле 1918 года, её движение с боями от Ростова-на-Дону к Екатеринодару и обратно на Дон (в станицы Егорлыкская и Мечетинская) во время Гражданской войны.

Писатель уходит в ледяной поход, сопровождаемый собратьями-писателями, героями, взрывавшими культурные границы и раскалывавшими миры. С поэтом, защищающим родной Донбасс, выступают в ледяной поход Фридрих-Вильгельм Ницше, разрушитель европейской культуры, потрясший мир словами «Бог умер», Шарль Бодлер, автор «Цветов зла», сборника стихов, уничтоживших классическую эстетику, и Говард Лавкрафт – создатель мира ужасов, отменяющего и взрывающего сложившуюся эстетику прозы XX века.

Итак, в стихотворении «Русский Лавкрафт» ставится и решается проблема жизненного выбора поэта на войне. Лирический герой отбрасывает привлекательные для интеллектуалов варианты – жить в башне из слоновой кости, стоять над схваткой, уехать подальше. Русский Лавкрафт выбирает путь поэтов, философов, писателей, для которых литература больше, чем забава, которые философствуют молотом, идут против системы. В этом отряде отверженных он уходит в последний решительный бой, в поход

ледяной, который состоялся в степях Донбасса в 2014 году. Сквозь обобщённый донбасский пейзаж – шахты, степи – проступают силуэты городов Лавкрафта, где клубится тьма, враждебная человеку. И русский поэт Донбасса идёт сражаться против этой тьмы, выступая наследником и красных, и белых, и проклятых поэтов, и всех, кто не боялся творить.

Таким образом, образ Родины, созданный поэтом Александром Сигидой-сыном, включает в себя разнородные элементы, объединённые в единое целое согласно эстетике постмодерна. Родина для поэта – это Донбасс, который стал ареной борьбы добра и зла, света и тьмы. Против тьмы выступают поэты, идущие в бой за человека. В стихотворении Сигиды происходит олицетворение России в виде литературы, создающей пространство смыслов, объединяющей разные миры. Русский Донбасс в стихотворении «Русский Лавкрафт» становится точкой встречи двух миров миров – России и поэзии, пространством их слияния и творческого взрыва, формирующего новый универсум.

АЛЕКСАНДР СИГИДА-СЫН.
РУССКИЙ ЛАВКРАФТ

Если б я знал,
Я бы остался, как Говард Лафкрафт,
На чердаке, книжным червём, вечный изгой....
Я б не равнял
В зимние ночи лунный ландшафт
Я бы не брал
Книги в последний, решительный бой.

Если б любил,
Я бы не вёл себя, словно Лавкрафт,
Как дезертир, я бы оставил стылый окоп...
Плюнув на всё,
С милой еврейкой, Сонею Гафт,
С bad jewish girl
Я переехал бы жить в Конотоп.

Если б я был
Так беспристрастен, каким был Лавкрафт,
Я бы обнёс владенья мои крепкой стеной...
И свысока я наблюдал бы, как астронавт,
Тех, кто внизу
Всё не поделят шарик земной

И всё хорошо,
Освобождён с боем Кадат

Снова в поход, Р'лайх — позади,
Там, за спиной...
В Олатоэ
Не спит на часах с винтовкой солдат
Волком глядит
На горизонт, снежный, степной.

Говард, пора.
Видишь знаки разрывов близ угольных шахт?
Слышишь ли крики мверзей ночных
Над нашей страной?
Фридрих-Вильгельм, снайпер Бодлер и
Русский Лавкрафт
Время — вперёд...
Снова уходят в поход ледяной.

ТЕРРИТОРИЯ ДЕТСТВА

АННА МАТВЕЕНКО

Родилась в 09.02.1965 г. в Донецке, где и проживает. По основному образованию – биолог, по дополнительному – «общественный журналист». Работает преподавателем. Более 10 лет вела кружок журналистики. Публиковалась в альманахах, журналах, коллективных сборниках Донбасса и России.
Член Межрегионального союза писателей и СП ДНР.

СКАЗКА?

Принцесса сидела на дереве и крайне сосредоточенно занималась очень важным делом.

Первый Королевский Кот смотрел на неё снизу, из травы, и нервно подёргивал кончиком хвоста. Наконец он не выдержал и весьма недовольным тоном вопросил:

– Ваше Высочество, Вам известно, что именно Вы сейчас делаете?

– Сижу на дереве, а что? – попыталась изобразить удивление Принцесса. Получилось это у неё не очень убедительно.

– Вы воруете яблоки! – возмущённо воскликнул Первый Королевский Кот. – Разве это – подобающее занятие для Принцесс?!!

– Я рву яблоки не где-нибудь, а в собственном Королевском Саду, – возразила Принцесса и сразу же перешла в наступление. – А разве котам подобает разговаривать? И, тем более, читать нотации Принцессам?

– Напоминаю: я – не простой кот, а Королевский, – с достоинством возразил Кот. – Поэтому я разговаривать с Вами как раз могу. А вот Вы, Ваше Высочество, без разрешения рвать яблоки с дерева даже в собственном саду не должны. Это – совершенно неподходящее для принцесс занятие!

– А ты не забыл, какой сегодня день? – с коварной улыбкой спросила Первого Королевского Кота Принцесса. – Ну что, сразу замолчал?

Кот потупился и стал смущённо вылизывать лапку. Принцесса не угомонилась и обвиняюще наставила на Кота палец:

– Прекрасно знаешь, что мне положены сегодня некоторые вольности. А тебе, пока что, нет. Кто утром мышь гонял? Ты же – Первый Королевский Кот! Не стыдно себя вести, как обыкновенный домашний Васька?!!

– Так меня, вроде, Василием и зовут, – не поднимая глаз, пробурчал Первый Королевский Кот. – Васька я и есть!

– Васькой ты станешь завтра! – припечатала Принцесса. – А сегодня ты – Басилевс и мой подданный. Так что извини! Ты спозаранку мышь ловил, а я – днём яблоки ворую. И вообще – я их не ворую, а на повидло рву! Падалицы подбирать мне надоело!

Принцесса гордо сдула свесившуюся на глаза растрёпанную чёлку и потянулась за очередным яблоком. Кот философски почесал задней

лапой за ухом, тихонько вздохнул и, осознав, что мораль читать Принцессе нынче бесполезно, решил заняться более приятным делом: подремать в тёплом солнечном пятне.

Конечно, такое безобразное поведение сходило Принцессе с рук только в этот день. Ведь обычно Первый Королевский Кот прекрасно исполнял свои обязанности: он учил Принцессу сохранять достоинство и «падать на четыре лапы» в любых ситуациях, быть независимой, уважать своё «я» и своё личное пространство. И, конечно, одной из главнейших дисциплин считался этикет – ведь кошачье племя великолепно разбирается во всех его тонкостях!

Принцесса была прекрасной ученицей: талантливой, внимательной и очень прилежной. Но этот день, как напомнила Принцесса своему наставнику, действительно являлся особенным. И сегодня Её Высочеству прощались некоторые шалости и показное непослушание.

Завтра они расстанутся почти на целый год. Опустеет Королевский Сад, а Первый Королевский Кот сможет, наконец-то, заняться своим хобби. Мышам придётся несладко, но игра в «кошки-мышки», как абсолютно точно знал Кот – один из главных столпов мирозданья. Так на что же жаловаться вторым её участникам?

Возможность заняться охотой – несомненный плюс уже привычных, регулярно наступающих жизненных перемен. Но минусов было больше.

Коту нравилось обучать Принцесс. Он был уверен в том, что именно это занятие, а не банальная, хотя и любимая, ловля мелких грызунов – важнейшее призвание его кошачьей жизни.

К сожалению, Принцессы на каждом шагу не попадаются. Ведь только они сумеют понять кота, даже если тот в душе – Кот Королевский. Обыкновенные девочки на такое попросту не способны. В большинстве своем девочки, конечно, с удовольствием гладят котят, но разобрать кошачью речь не могут. Для тысяч и тысяч девочек всё богатство феллинского языка сводится к простым «муррр» и «мяу»!

Но Коту повезло. Он вытащил один шанс на миллион, встретив свою Принцессу. Кот часто вспоминал, как много лет назад просто не поверил своему счастью, когда в ответ на «Мрр – мяк!», что означало «Почеши меня ещё за ушами!», услышал:

– Киса! Ты умеешь говорить?!!

– Я – не «киса»! Я – Первый Королевский Кот!

Несмотря на изумление, Кот ответил своей Принцессе с величайшим достоинством. Ведь с этой минуты он действительно стал Королевским Котом. И не просто Королевским, а Первым! (Естественно, только Первым и единственным! Любого другого кота к Её Высочеству Кот не собирался подпускать ни при каких обстоятельствах!)

И с тех пор Первый Королевский Кот с головой ушёл в преподавательскую деятельность.

Всё это было хорошо и замечательно, но...ох уж, эти «но»! Встречи Кота и Принцессы длились так недолго, а разлуки были так продолжительны...

Кот скучал. Общения с собратьями ему было недостаточно. Коту так понравилось передавать свои знания, учить тому, что кошки умеют с рождения, а другим приходится осваивать с величайшим трудом! Наблюдать за процессом изменения сущности человеческой ученицы было очень и очень увлекательно. Но чему он мог научить тех, кто обладал теми же знаниями, что и он сам?

Так что без Принцессы кот откровенно хандрил. Даже съеденные мыши не помогали развеять тоску. Единственной отдушиной служили тайные беседы с коллегой де Тре, Главным Придворным Псом из дальнего королевства. В свободное от обучения королевича Андрея время лохматый де Тре подрабатывал обыкновенным сторожевым Трезором. Официально они враждовали – а как же, кот с собакой! – а неофициально, встречаясь ночами на нейтральной территории, обсуждали секретный план познакомить подопечных и в дальнейшем объединить королевства...

Но скучные будни ждали Первого Королевского Кота потом, начиная с завтрашнего дня. А сегодня Её Высочество Принцесса всё ещё сидела на дереве и рвала яблоки, складывая их в здоровенную плетёную корзину, крепко привязанную к ветке.

– Васенька, кис-кис-кис, иди сюда! – донеслось призывное от бревенчатого дворца. – Танюша, где ты? Твои родители приехали, собираться пора!

– Бабуля, сейчас, только яблоки прихвачу!

Принцесса развязала узел, аккуратно спустила полную корзину на землю, повисла на руках и ловко спрыгнула в траву. Присела возле Кота.

– Ну что, Басилевс, – грустно произнесла Принцесса. – Завтра – в школу. Я вряд ли смогу вырваться к бабушке раньше лета. Родители считают, что в седьмом классе даже на каникулах лучше позаниматься дополнительно, а не уезжать на неделю в деревню к любимой бабуле и её коту, каким бы замечательным он не был. Жаль, что мои папа и мама не умеют с тобой разговаривать...

– Жаль, Но что поделать, если Принцессы и Принцы рождаются у самых обычных людей?

– Да, это иногда бывает обидно, а порой и вовсе доставляет много неприятностей, – Принцесса вздохнула. – Не грусти, Кот! Я обязательно вернусь следующим летом. Как всегда!

– Я? Грустить? Вот ещё! У меня и без тебя будет столько дел! – как всегда в этот день, соврал своей Принцессе Первый Королевский Кот.

Принцесса понимающе печально улыбнулась, взяла своего пушистого друга на руки и направилась к старому дому с уютными резными наличниками и распахнутыми в сад ставенками. Корзина так и осталась стоять в густой мягкой траве.

Последний день августа румяным спелым яблоком катился к закату...

ФЕСТИВАЛЬ

(Событие)

ЛЮДМИЛА СЕМЁНОВА

Родилась 20 октября 1977 года в городе Челябинске. В 2001 году окончила Литературный институт им. Горького. Член Союза писателей России. Печаталась в журналах «Наследник», «Молоко», «Соты», «Славянство», «Роман-журнал XXI век», «Наш современник», «Осиянная Русь», альманахах «Пересвет», «Неизбывный Вертоград». Участвует в конференциях по творчеству поэтов Николая Рубцова, Юрия Кузнецова, Николая Тряпкина. Активный участник ежегодных Иринарховских чтений в городе Борисоглебске. Мама шестерых детей. Живёт в Москве.

ВОЗВЫСИТЬ ГОЛОС ДОНБАССА...

Об очередной программе литературно-музыкального цикла «СЛОВО ДОНБАССА»

Война на Донбассе и Украине закончится победой. Мы воюем за единение, за мир, за человека. Наши цели гуманны, и правда за нами! Русская армия сильна, она избавит «матерь городов русских» и всю Малороссию от внешнего врага. Но за три десятилетия западной пропаганды крепко укрепилась в умах молодых украинцев искажённая национальная идея, не имеющая ничего общего с национальным достоинством. Её нужно искоренять, и здесь оружие бессильно. Необходимо воздействие словом. Слово способно воскресить человека, вернуть его к изначальному предназначению гармонии с миром. Настало время писателей. Не тех, кто экспериментирует со словом, а тех, для кого слово – служение на благо человека и звучит оно во имя добра. Творчество способствует объединению людей и созиданию нравственной идеи в обществе.

Союз писателей России всегда поддерживал патриотическое направление в литературном процессе. Многие активные деятели Союза с 2014 года регулярно бывали на Донбассе с гуманитарными акциями и в составе литературных делегаций. Связь с писателями Донбасса не прерывалась – издавались совместные сборники, проводились литературные встречи на донбасских и московских площадках. В начале 2022 года по инициативе поэта, уроженки города Макеевки (Донбасс) Елизаветы Хаплановой был заявлен новый творческий проект – литературно-музыкальный цикл «Слово Донбасса», который поддержан Союзом писателей России. В феврале состоялась первая программа этого цикла с участием делегации литераторов из Донбасса. 2 апреля в Шолоховском зале Союза писателей прошла очередная программа - юбилейный творческий вечер поэта Виктора Мостового.

Виктор Михайлович Мостовой родился 10 марта 1952 года на Донбассе в городе Стаханов Луганской области. Отслужил в Советской Армии, вернулся на родину. Работал шахтёром. В шахтёрский труд вкладывал свою любовь к Отечеству, понимая, что надо работать на благо своей страны, семьи, будущего детей. Поднимаясь из недр шахты, не мог не удивляться краскам мира. Душа оживала, пела, ликовала, радовалась, откликаясь стихами.

В 1993 году был принят в Союз писателей СССР, который чуть позже реорганизован в Международное Сообщество писательских союзов. Виктор Мостовой стал одним из основателей Межрегионального Союза писателей. Более сорока лет руководил городским литературным объединением «Стахановец». Выпустил 14 поэтических сборников. Лауреат многих международных литературных конкурсов и фестивалей. Публиковался в журналах и газетах «Москва», «Молодая гвардия», «Невский альманах», «Поэзия», «Московский вестник», «Литературная газета» и других. В 2014-2015 годах вместе со своими земляками пережил весь ужас обстрелов, бомбёжек, гибели мирных жителей на Донбассе. С 2015 года переехал к дочери в Москву, с тех пор живёт и работает в России. Виктор Мостовой – член Союза писателей России.

Но связь с земляками не прерывалась. На литературной встрече в Союзе писателей звучали в видеозаписи поздравления товарищей по литературному цеху из родного Стаханова и Луганска: от Почётного председателя Межрегионального Союза писателей Владимира Спектора, председателя правления Межрегионального Союза писателей Наталии Мавроди, начальника отдела культуры администрации города Стаханова Марины Жидковой, председателя клуба авторской песни «Голос» Владимира Алидзаева, члена СПР, ЛНР и МСП Марка Некрасовского. Был продемонстрирован видеоклип с песней на стихи Виктора Мостового в исполнении земляка, автора музыки Игоря Петренко.

Все выступающие отмечали человеческие качества Виктора Мостового, такие как честность, порядочность, ответственность, долг, благородство. Об этом же говорил на литературной встрече секретарь Правления Союза писателей России, поэт Геннадий Иванов: «Поведение человека первостепенно. Оно коренным образом сказывается на его творчестве. Виктор Мостовой – открытый, честный человек. Он искренен, делится в стихах грустными и радостными переживаниями. В поэтических строках находит точное выражение чувств. Эти внимательность взгляда, душевная проникновенность в мир природы и людей, возникли и проявились тогда, когда он поднимался из темных недр шахты в светлый мир Божий».

Книга Виктора Мостового «Багаж души моей», вышедшая в 2022 году в издательстве «Российский писатель», состоит из гражданской и лирической поэзии. И это закономерно. Гражданственность невозможна без проникновения в личностное начало. Необходимо увидеть, почувствовать, пережить, осмыслить происходящее, прежде чем написать. Поэтому незамутнённые воспоминания о детстве, о первом чувстве, так глубоко и иногда болезненно проникают поэтическим восприятием в сегодняшнюю действительность. Настоящее тяжело осознавать человеку с чистым мировосприятием, но осознание собственной причастности к преодолению, к победе присутствует в здравомыслящих умах. Осознанное «я» способно повлиять на «эго» другого противоположенного сознания.

Строки стихотворений Виктора Мостового в авторском исполнении завораживают, очищают мысли, вдохновляют на чувства, сподвигают на поступки. А замечательного артиста театра и кино Игоря Коровина поэзия юбиляра воодушевила на создание новых песен, которые он вдохновенно и ярко исполнил для зрителей в зале.

Юрий Коноплянников вручает почётную грамоту от МСПС Виктору Мостовому

Ведущая вечера Елизавета Хапланова, растроганная словами одного из выступающих, поделилась: «На днях мой товарищ, прошедший всю войну на Донбассе, сказал, что мы, писатели, – снайперы слова, словесный медсанбат. И наша задача самая трудная – стоять на нравственных рубежах, очищать умы в то время как защитники очищают землю». Этот завет бойца верно исполняют сейчас Виктор Мостовой, герой литературной встре-

чи в Союзе писателей, поэт Елизавета Хапланова, выразившие очно или заочно солидарность на встрече – председатель Союза писателей России Николай Иванов, председатель Международного сообщества писательских союзов Юрий Коноплянников, писатели Николай Стародымов, Николай Беседин, Николай Дорошенко, музыкант Игорь Коровин, а также поздравившие поэта представители литобъединения «Талисман» Татьяна Ротанова и Владимир Икорский.

Виктору Мостовому присуждена Международная литературная премия им. Владимира Даля, которая торжественно вручена на вечере. Поэт верно продолжает традиции русской литературы и достойно держит оборону поэтическим словом.

Уже традиционно очередная программа проекта «Слово Донбасса» завершилась дружным исполнением песни с донецким колоритом. На этот раз участники спели одну из любимых песен юбиляра - «Спят курганы тёмные».

Всё в этот вечер, наполненный тонкой гармонией, отвечало словам, которыми открыла программу ведущая: «В свете происходящих сегодня событий, нам, донбассовцам, как никогда ранее хочется возвысить голос над той бездной, разрухой, хаосом, которые заполонили наш край, возвысить голос так, чтобы на всех континентах земли нас услышали и поняли: Донбасс – земля, которую невозможно покорить, и на ней живут люди, которых невозможно сломить. Это в крови».

© Фото – Бориса Иванова

Учредитель: Нечипорук Иван Иванович (Горловка).

Журнал не является коммерческим проектом.
Издание безгонорарное.

Корректор: Е. А. Ратундалова.
Художник: Г. Н. Иванова

Адрес редакции журнала: 284646
Донецкая Народная Республика,
г. Горловка-46, ул. Пушкинская – 57/48,

12+ *В соответствии с законом «О средствах массовой информации»*
Донецкой Народной Республики от 29 июня 2015 года.

Материалы принимаются после положительного решения редколлегии. Редакция имеет право отказать автору без указания причин и не вступая в переписку.

Редакция допускает самостоятельное изготовление бумажного варианта журнала по макету, предоставленного авторам в PDF формате, при условии, что самостоятельно изготовленные экземпляры будут соответствующего качества.

Подписано к печати:
Печать лазерная, бумага офсетная.
Гарнитура: SchoolBook, Prosto, Traktir.
Номер выпущен в формате PDF

Участники гости творческого вечера Виктора Мостового.
Шолоховский зал. СПР. Москва. 2.04.2022

Горловская библиотека-филиал №6 для юношества.
Участники встречи с секретарями правления Союза писателей России
Алексеем Полуботой и Алексеем Шороховым 10.04.2022.